

Александр ЛОКТЕВ

Призвание быть Человеком

Очерки о людях и судьбах

Королёв - 2010

Локтев А. Л.
Призвание быть Человеком

Автор книги – член Московского союза литераторов, доктор технических наук, житель города Королёва. Его перу принадлежат более десятка книг в прозе и в стихах. «Призвание быть Человеком» – новая работа автора, составленная из публикаций разных лет в СМИ. В определённой степени она продолжает направленность предыдущей книги автора «Каждый вышивает полотно своей жизни» (ООО «Издательский дом Космос», 2009), удостоенной первой премии литературного конкурса им. С.Н. Дурылина в 2009 г.

Людей, о которых рассказывает автор, объединяет творческое отношение к роду своих занятий и увлечений, чувство ответственности, неотстраненности, разнообразие интересов и подлинная внутренняя интеллигентность.

Книга предназначена для широкого круга читателей.

ISBN ©

А.Л. Локтев, 2010

*На обложке графический портрет А.В. Флёрова
работы Валентина Карбанова*

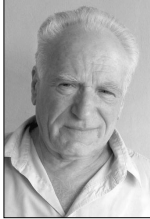
Литературно-художественное издание
Локтев Александр Львович
Призвание быть Человеком

г. Королёв
ООО «Издательский дом «Космос»
2010 г.

Книга издана в авторской редакции
Компьютерная вёрстка и создание оригинал-макета –
Алексей Чистяков

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	4
Часть первая. Ныне живущие	5
Особенно ответственный долг (А.Н. Ширяев).....	7
Самый большой террор в истории человечества (Г.П. Хомизури).....	14
Истребитель вражеских танков (А.А. Дементьев).....	23
Подвижница на ниве литературы, культуры, нравственности (Д.А. Донская).....	28
Три юбилея (М.Г. Розовский).....	36
Судьба мудрее наших желаний (А.К. Молотков).....	47
Творчество как образ жизни. (Е.И. Попова).....	53
«Славянское очарование» работ художника Виталия Попова (В.Б. Попов).....	57
«Неслыханная дерзость» Дмитрия Моисеева (Д.И. Моисеев).....	61
Главный художник монетного двора (А.А. Колодкин).....	67
Династия врачей Любимовых (Е.П. Климовская).....	74
Жизнь, посвященная «Сибирскому сфинксу» (И.В.Климовский).....	78
Ровесник города, продолжатель инженерной династии Подгорских (Б.Н. Подгорский).....	83
Город стал его судьбой (И.М. Костюковский).....	90
Часть вторая. От нас ушедшие	95
Его жизненная философия: «Что не горение – то тлен» (Б.А. Толочков. 1929 – 2001).....	97
«И душа опять жива, только в доброе одета» (А.П. Галкин. 1916 – 2007).....	108
«Собирали мы характер свой» (Л.Е. Коростелёв. 1924 – 2007).....	115
Этот равнодушный Алексей Васильевич (А.В. Флёров. 1909 – 2002).....	122
У истоков Центра управления полетами (В.Д. Сороколетов. 1937 – 2003).....	131
Кавалер ордена Мужества (Е.В. Костров. 1935 – 2004).....	137
Вместо эпилога. Гимн добру (венок сонетов)	141

Вместо предисловия

Есть в жизни много "если" разных.
И чтобы сделать в жизни шаг,
Решает каждый ежечасно,
Как сделать: так или не так?

Но среди этих "если" разных,
В каком краю бы ты ни рос,
У всех людей, трудяг и праздных,
Наиважнейший есть вопрос.

Не быть в одной упряжке с гадом,
В угоду сильному не лгать
И не топить идущих рядом,
А в меру сил им помогать...

И если так ты ежечасно
Прожил достойно весь свой век,
То, значит, жил ты не напрасно
И, значит, вправду – Человек!

Часть первая

Ныне живущие

Особенно ответственный долг

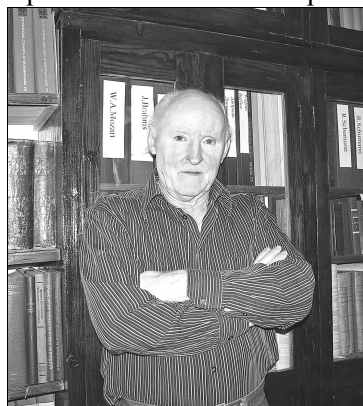
На берегу Клязьмы в деревне Комаровке (микрорайон Первомайский) стоит старинный дом. Он был построен в 1873 году С.В. Алексеевым (отцом К.С. Станиславского) для размещения в нём бесплатной лечебницы. Предназначенная для оказания медицинской помощи крестьянам Комаровки, лечебница называлась «Елисаветинская бесплатная лечебница для проходящих» – по имени жены С.В. Алексеева.

В 1935 году этот дом, принадлежавший сестре К.С. Станиславского А.С. Штеккер, купили два друга, будущие всемирно известные учёные П.С. Александров и А.Н. Колмогоров. Оба предпочитали работать вдали от столичной суеты. Здесь в значительной степени сформировалась знаменитая Колмогоровская математическая школа, в орбиту которой были вовлечены школьники и студенты, начинающие и маститые учёные, притянутые человеческим обаянием А.Н. Колмогорова и его неуёмной творческой энергией и преданностью науке.

В 1982 году не стало П.С. Александрова, а спустя пять лет ушёл из жизни А.Н. Колмогоров. Вдова Андрея Николаевича после долгих поисков нашла покупателя части дома, принадлежавшей П.С. Александрову. Им стал А.Н. Ширяев. Сразу после оформления покупки она передала ему в дар и колмогоровскую часть дома. Условие было одно – создать мемориальный музей-квартиру.

Итак, писали об этом доме не раз, но ни разу не рассказали о создателе мемориального музея-квартиры, одном из самых успешных учеников А.Н. Колмогорова – Альберте Николаевиче Ширяеве. 12 октября 2009 г. ему исполнилось 75 лет.

Член-корреспондент РАН, заведующий кафедрой теории вероятностей мехмата МГУ, президент международного общества Бернулли по теории вероятностей и математической статистике (1989 — 1991), президент международного общества Башелье по финансовой математике (1998 — 1999), президент Российского общества актуариев (1994 — 1998), лауреат премии им. А.А. Маркова АН СССР (1974), премии А.Н. Колмогорова (1994), заслуженный профессор МГУ (2003), почётный доктор Университета им. Альберта Людвиг (Германия, 2000), почётный профессор Амстердамского университета (2002), почётный член Королевского статистического общества (Великобритания, 1985), член Европейской академии (1990) и ряда других академий и обществ, заместитель главного редактора журнала «Теория вероятностей и её применение», член учёных советов Математического института им. В.А. Стеклова РАН и мехмата МГУ, член ВАК Министерства образования РФ Альберт Николаевич Ширяев встретился со мной в Комаровке, в мемориальном музее-квартире, и рассказал о себе.

Он родился 12 октября 1934 года в городе Щёлково. Его дед по матери Пётр Иванович Фёдоров приехал в Подлипки вместе с работниками Петербургских оружейных мастерских в 1919 году и жил на улице Ленина. Будущая мать Альберта Николаевича познакомилась с жившим в Щёлкове Николаем Фёдоровичем Ширяевым, вскоре вышла за него замуж и у них родился сын Альберт. В октябре 1941 года их семья вместе с частью работников артиллерийского завода №8 (созданного на основе оружейных

мастерских) была эвакуирована в Свердловск (теперь Екатеринбург), а в 1943 году они вернулись обратно и жили у деда, Петра Ивановича, пока семья Ширяевых не получила комнату в коммунальной квартире в доме на улице Кирова. Родители Альберта работали на заводе №8. Мать была кладовщицей, отец – модельщиком высокой квалификации, выполнявшим сложные деревянные модели.

Пишу об этом сравнительно подробно для того, чтобы читатель осознал, что детство Альберта протекало в нашем городе. Свои школьные годы он вспоминает с большой теплотой. Первые четыре класса Альберт учился в школе №1.

– Хорошие это были годы! – рассказывает Альберт Николаевич. – После уроков уходили на стадион и играли там в футбол. Никто нам не мешал.

Увлечение футболом было настолько сильным, что позднее привело Альберта к участию в сборной юношеской команде «Зенит». Старожилы помнят, наверное, спортклуб «Зенит», на смену которому позднее пришёл «Вымпел», давший название нынешнему стадиону.

Отец Альберта был вскоре направлен на учёбу в Министерство иностранных дел, где остался работать в отделе спецсвязи. В дипломатическом статусе он с женой, сыном и дочкой Светланой был направлен в Иран, так что 5-й и 6-й классы школы Альберт проходил в Иране. Там семья жила в одной квартире с семьёй Быковских – отцом, матерью и сыном Валерием, будущим космонавтом.

– Валера уже тогда был совершенно бесстрашен! – с восторгом вспоминает Альберт Николаевич. – Я с Валерием дружил много лет, и до его полёта в космос, и после.

Через пару лет семья Ширяевых вернулась из Ирана, и Альберт продолжил учёбу в Калининградской школе №1. Родители часто бывали в отъезде, и Альберт учился урывками, то в школе №1, то в московской школе №358, живя в интернате МИДа.

Он с благодарностью вспоминает свою тётю Марусю Овчинникову, которая жила в соседнем подъезде дома на улице Кирова и при каждом удобном случае приглашала часто предоставленного самому себе Альберта в гости на обед.

Вернёмся, однако, в школьные годы Альберта. Когда в старших классах он учился в школе и жил в интернате МИДа, то начал посещать кружки-мастерские при МВТУ им. Баумана, МГИМО, МГУ. По словам Альберта Николаевича, в те годы у него не было ещё ярко выраженного интереса к математике, не созрело ещё однозначное решение, куда пойти учиться после школы. А тут неожиданная встреча с самим А.А. Громыко. Будущий министр иностранных дел СССР был тогда ректором Института международных отношений, заместителем министра иностранных дел и курировал школу-интернат МИДа.

Было это так. На вечере МИДа в Большом театре Альберт, как отличник, сидел в правительственной ложе вместе с А.А. Громыко. И Андрей Андреевич сказал ему, что сын работника МИДа должен учиться в МГИМО. Он вообще был за династии дипломатов. Альберт, однако, ответил дипломату весьма недипломатично:

– Если меня на мехмат не примут, пойду в МГИМО! А.А. Громыко в ответ улыбнулся.

Завершая «дипломатический» период в жизни Ширяевых, не могу не сказать о том, что 16 февраля 2009 года в МИДе торжественно отметили столетие Николая Фёдоровича Ширяева - отца Альберта Николаевича.

Итак, выбор был сделан. Альберт Николаевич поступил на мехмат МГУ. Но даже там математикой он занимался не много, ибо бывший футболист увлёкся фигурным катанием и горными лыжами. Прогрессировал очень быстро. Достаточно сказать, что на Зимней студенческой Олимпиаде в Гренобле (1957 год) из 42 участников А.Н. Ширяев был 4-м и 7-м (слалом и слалом-гигант). И это притом, что фавориты (французы и австрийцы) выступали на хороших лыжах и имели прекрасные условия для тренировок.

Выполнив норму кандидата в мастера спорта по горным лыжам, Альберт Николаевич сделал свой выбор в пользу науки. Но с горными лыжами до сих пор не расстаётся. А три года назад на одном из горнолыжных курортов в США он принял участие в соревнованиях для всех желающих, причём сразу в двух возрастных группах – до и

после 40 лет. Несмотря на свои 70, в группе до 40 лет он взял бронзу, а в группе после 40 – сразу три золотые медали.

Окончание мехмата ознаменовалось для Альберта Николаевича судьбоносным приглашением А.Н. Колмогорова на беседу в Комаровку. Андрей Николаевич высоко оценил дипломную работу Ширяева и сказал ему:

– Я хочу вас взять к себе в отдел Математического института. Но вы должны решить: наука или спорт!

С тех пор вся дальнейшая творческая жизнь Альберта Николаевича Ширяева протекала в Математическом институте им. В.А. Стеклова АН СССР и на мехмате МГУ.

Продолжая традиции своего великого учителя, он очень любит читать лекции и активно общаться со студентами, воспитал около 56 кандидатов физико-математических наук, из которых 30 стали докторами.

Воспользовавшись возможностью пообщаться с крупным математиком, я задал Альберту Николаевичу вопрос, который занимал меня ещё со студенческих лет, когда я, увлекаясь математикой, пришёл в восторг от, казалось бы, весьма абстрактной математической теории функции комплексного переменного. Было поразительно, как эта математическая абстракция оказалась в итоге способной описать реальные процессы обтекания крыла на основе результатов расчета обтекания цилиндра.

– Конечно, это весьма сложный философский вопрос, – сказал Альберт Николаевич. – Гармония разлита в природе. И в своём желании её подметить человек обращается к простым моделям (объектам), которым эта гармония присуща так же, как и сложным, реальным. Математика позволяет это сделать. Формальный математический аппарат заменяет сложные логические построения, позволяя получить искомый результат.

И в качестве иллюстрации я услышал из уст Альберта Николаевича известную задачу в стихах для 6-го класса:

По дороге вдоль кустов
Шло 11 хвостов.
Насчитать я также смог,
Что там было 30 ног.
Это шли гулять куда-то
Петухи и поросята...

В задаче спрашивалось, сколько было петухов и сколько поросят. Предоставляю читателю возможность самому решить эту задачу без составления системы двух уравнений с двумя неизвестными.

Логика изложения требует от меня теперь рассказать читателю о творческих достижениях моего собеседника. Тех, кто интересуется этим предметно, я отсылаю к журналу РАН «Теория вероятностей и её применение» (том 49, выпуск 4, 2004 год), в котором Альберту Николаевичу по случаю его 70-летия посвящена статья. В ней названы основные его работы, одно только перечисление которых занимает более двух страниц мелкого машинописного текста.

А.Н. Колмогоров привлёк А.Н. Ширяева и к участию в закрытых работах. В частности, Альберт Николаевич назвал разработку методов скорейшего обнаружения случайно появляющихся целей. Сейчас они стали открытыми, но актуальность их остаётся прежней, ибо речь теперь идёт о возможных биоатаках, компьютерном терроризме, финансовой математике. Общей является задача: как среди шумов быстро уловить тенденцию, чтобы принять оптимальное решение?

Работой А.Н. Ширяева заинтересовались в США, приглашали консультантом, но остаться там работать Альберт Николаевич не захотел. В том числе и потому, что чувствовал себя обязанным воздать должное своему гениальному учителю.

– Если не я, то кто же? – сказал себе Альберт Николаевич и взвалил на свои плечи нелёгкий труд по организации к столетию А.Н. Колмогорова международной конференции «Колмогоров и современная математика». Но это только часть его огромной работы по увековечению памяти учителя. Многие годы ушли у Ширяева на создание мемориальной квартиры-музея, где многое пришлось делать своими руками, ибо дом был сильно запущен.

В 1993 году (к 90-летию А.Н. Колмогорова) редактор-составитель А.Н. Ширяев выпускает в свет книгу «Колмогоров в воспоминаниях», которая открывается его обширным «Библиографическим очерком о жизни и творческом пути» А.Н. Колмогорова. Но это было только начало. В 2003 году (к столетию А.Н. Колмогорова) выходит юбилейное издание «Колмогоров» в трёх книгах (Библиография «Истина — благо», избранные места из переписки А.Н. Колмогорова и П.С. Александра, «Звуков сердца тихое эхо» – из дневников), а три года спустя – переработанное и дополненное издание сборника «Колмогоров в

воспоминаниях». Редактор-составитель всех этих книг – Альберт Николаевич Ширяев.

В своей статье «Неземное притяжение», открывающей последнюю из названных книг, он цитирует «Завет, оставленный Колмогоровым, тем, «кто на такое способен»: «Очень существенно в науке (как в поэзии, музыке и т.п.), что человек... при надлежащих моральных качествах воспринимает свою работу как особенно ответственный долг». А потом вопрошает: «Сумеет ли мы его исполнить? Стараемся ли?»

Мне кажется, что применительно к жизни Альберта Николаевича эти вопросы звучат риторически.

И хочется пожелать ему ещё долгие годы получать удовольствие от математики, общения со студентами и учениками и от горных лыж!

2009 г.

Самый большой террор в истории человечества

Один из последних советских политзэков

Я познакомился с ним случайно, при поездке в «Коммунарку» – к месту массовых захоронений жертв политических репрессий 30-40-х годов.

Он пришел в робе заключённого (зэка), которую хранит как память о приговоре «самого гуманного суда в мире» – 6 лет строгого режима и 3 года ссылки за «антисоветскую агитацию и пропаганду». Эта «страшная» для власти деятельность сводилась к стремлению изучать историю страны и КПСС не по официальным мифам, а по фактам и свидетельствам оче-

Г.П. Хомизури в робе зэка

видцев. Не остановило суд и закрепленное в уголовном праве положение о том, что критика советской власти не является уголовно наказуемой; уголовно наказуемыми являются призывы к свержению советской власти. Этот приговор был вынесен Георгию Павловичу Хомизури в июле... 1983 года: страна окончательно победившего «развитого социализма» жестоко карала даже за попытку критического отношения к партийно-государственным мифам.

Сейчас Георгий Павлович – доктор геолого-минералогических наук, ведущий научный сотрудник Государственного геологического музея им. В. И. Вернадского

РАН. Он автор более 80 публикаций по геологии, истории геологии, гражданской истории и правам человека (в том числе 4-х монографий).

В музее и состоялась наша беседа.

Он родился в 1942 году в Баку, в семье геолога-нефтяника. По словам Георгия Павловича, отец был очень образованным человеком, многого достигшим самообразованием. Казалось, само провидение уготовило Георгию путь «внутреннего эмигранта», диссидента: брат отца был расстрелян по политическому делу; дядя по материнской линии был одним из видных деятелей революционного движения в Азербайджане и, разумеется, тоже до времени канул. Дядя мачехи был меньшевиком, автором иллюстраций в учебнике истории СССР для 10-го класса. В богатейшей библиотеке мачехи любознательного мальчика, научившегося читать в четырехлетнем возрасте, ждали редкостные книги – труды Либкнехта и Бебеля, Каутского и Плеханова. Он познакомился с речами Троцкого, Зиновьева, Бухарина – словом, со всем тем, что в те годы прочесть было совершенно невозможно, включая старые газеты и журналы.

«Ознакомившись с этими книгами и документами, – пишет Георгий Павлович в автобиографии, – я понял, что в официальной истории много вранья. А главное – история социалистических идей – не такой примитив, какой мы слышим из уст руководителей КПСС». Мальчику очень нравилась история, но поступать он решил на философский факультет МГУ. Судьбе было угодно, чтобы этого не произошло: именно в этом году было принято решение о том, что для поступления в гуманитарные институты страны надо иметь стаж практической работы. Для его приобретения Георгий поступил на работу в лабораторию Всесоюзного научно-исследовательского геолого-разведочного нефтяного института (ВНИГНИ).

Увлечение историей и философией не только не проходило, но росло и крепло. Георгий всё больше убеждался, что в официальных трудах сплошная неправда. По крупницам составил он «Историю руководства КПСС»; не стесняясь в выражениях, говорил всем, какой Хрущев ревизионист, какие были замечательные ленинцы Троцкий, Зиновьев, Бухарин и другие, какой злодей Сталин. Понимание того, что Сталин – действительно верный

ученик Ленина, придет к Георгию позднее. А через год с помощью окружающих пришло понимание, что исторический и философский факультеты – трамплин для будущих партийных функционеров-трепачей, призванных продолжать традиционное вранье. А поскольку врать вольнодумец Георгий не собирался, всё это могло для него кончиться плачевно. В итоге Георгия убедили получить другую специальность, а истинной историей заниматься самостоятельно.

В 1960 году он поступил на очное отделение геолого-разведочного факультета Московского нефтяного института (потом – Московский институт нефтяной и газовой промышленности). После оконча-

С супругой Ниной

ния института работал во ВНИГНИ

геологом сектора промышленных запасов. Все годы учебы и последующей работы Георгий Павлович активно занимался комсомольской работой (вплоть до секретаря комитета ВЛКСМ ВНИГНИ), всё более убеждаясь в несоответствии пропагандируемых и исповедуемых идеалов лидерами комсомола и партии. Это отвратило его от вступления в ряды КПСС.

–Я мог молчать, – говорит мне Георгий Павлович, – но заведомо врать не мог!

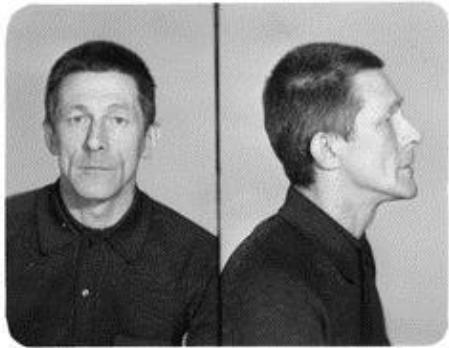
С этого момента он приступил к изучению подлинной истории КПСС и СССР и результаты своих исследований стал распространять в Самиздате. Интерес к истории не ослабевал, и Хомизури решил заняться также историей науки. В 1968 году он поступил в очную аспирантуру сектора истории геолого-географических наук Института истории естествознания и техники АН СССР.

В 1972 году он стал кандидатом геолого-минералогических наук в области истории. А интерес к истории не проходил. «В 1972 году, – пишет он в автобиографии, – начал активно печатать на пишущей машинке и распространять «антисоветскую литературу»: труды А. Авторханова, Р. Конквеста, А. И. Солженицына, Е. И. Замятина, Д. Орвелла, А. А. Зиновьева. М. А. Булгакова, А. Галича, В. Гроссмана, Г. Владимова и др.; «Хронику текущих событий», «Декларацию прав человека» и другие правозащитные документы». В 1976 году Георгий Павлович прочел рукопись И. Р. Шафаревича «Социализм как явление мировой истории» и осознал окончательно, что поклонялся не тому идеалу. Он пишет: «Не изменив своим понятиям об истине и справедливости, из стихийного коммуниста (каким был до тех пор) стал идейным противником самой идеи коммунизма. С тех пор всё свободное время посвящал исследованиям по гражданской истории».

В 1979 году из-за болезни дочери переехал с семьей в Ереван и поступил на работу старшим научным сотрудником лаборатории экспериментальной геологии Института геологических наук АН Армении. Здесь же и был арестован 10 ноября 1982 года по обвинению в антисоветской агитации и пропаганде. До вынесения приговора содержался в Ереванском политизоляторе КГБ. До сих пор его поражает «логика» гебистов: раз вас арестовали, значит, вы виновны. Еще только задержанному, а не арестованному, ему говорил начальник следственного изолятора:

– За 40 лет моей работы еще ни один отсюда оправданным не вышел. Раскайтесь, тогда вам сократят срок!

В июле 1983 года «за изготовление, хранение и распространение антисоветской литературы с целью подрыва и ослабления

**Фото Г.П. Хомизури
из Ереванского
политизолятора КГБ**

советской власти» он был осужден на 6 лет строгого режима и 3 года ссылки.

На суде Хомизури отказался от услуг адвоката и не признал себя виновным. В приговоре, в частности, было записано, что, по его показаниям, он своими действиями не преследовал цели подрыва или ослабления советской власти, однако эти показания не внушают доверия судебной коллегии.

Веское доказательство вины, не правда ли?!

В 1983-1987 гг. зэк Хомизури отбывал наказание в Мордовском лагере для политзаключенных, где 6 дней в неделю шил садово-огородные рукавицы по 93 пары в день. Вместе с ним этой «высокоинтеллектуальной» работой занимались еще 24 политзаключенных, из которых только один был с незаконченным высшим образованием, остальные – с высшим, причем семеро – кандидаты наук.

В 1987 году Георгия Павловича Хомизури неожиданно привезли на место ареста и почему-то очень хотели, чтобы он написал просьбу о помиловании. Уговоры закончились компромиссом: о помиловании ходатайствовать не стал, ибо не знал за собой вины, но заявил, что «антигосударственной деятельностью заниматься не будет» (которой, согласно Уголовному кодексу, и не занимался: критика советской власти уголовно не наказуема). После этого, 14 февраля, он был выпущен на свободу, восстановлен на работе, а спустя три года реабилитирован. Как выяснилось позднее, его освободили в числе 140 политзаключенных СССР, помилованных Указом Президиума

**Георгий Павлович
в рабочем кабинете
в музее им. В.И. Вернадского**

Верховного Совета СССР, который получил название рейгановско-сахаровско-горбачевской амнистии.

Попытка Г.П. Хомизури непредвзято оценить число жертв террора в СССР (1917-1953 гг.)

В одном из своих исследований Георгий Павлович сделал попытку непредвзято оценить число жертв коммунистического террора в СССР (1917-1953 гг.)

С его согласия привожу краткое изложение этой работы.

«Расстрельные списки» – лишь вершина айсберга. В рассекреченных архивах КГБ имеются данные о приведении в исполнение высшей меры наказания в тюрьмах и лагерях. Списки эти говорят не о десятках миллионов, и даже не о миллионах, а всего лишь о сотнях тысяч. Например, согласно данным КГБ по 31 союзной и автономной республикам СССР и 54 областным управлениям, в 1918-1953 гг. было расстреляно 835194 человека. Казалось бы, вопрос исчерпан. Однако подобный метод подсчета числа жертв террора, считает Г. П. Хомизури, порочен, так как не учитывает, например, числа:

- погибших в тюрьмах и лагерях от издевательств, истощения и болезней;

- высланных («кулаки», народы Северного Кавказа, поляки, немцы Поволжья, народы Прибалтики и многие-многие другие) и погибших во время депортации;

- крестьян в 1921-1922 гг. (по оценкам, 8 миллионов), погибших от голода в результате продразверстки, забиравшей у них всё до зернышка в то время, когда хлеб вывозился за границу;

- крестьян (по оценкам, 5-6 миллионов), погибших от искусственного голода 1932-1933 гг.;

- умерших от нищеты, горя и отчаяния родственников репрессированных;

- советских солдат-военнопленных, от которых отказалась советская власть, и которые погибли в фашистском плену – и т. д.

Все они не были приговорены к расстрелу, но все они – жертвы коммунистического террора. Погибли таким образом не сотни тысяч, а десятки миллионов. И убивали их не десятки палачей, а сотни тысяч, в то время как миллионы молчали. Конеч-

но, все эти 70 лет население СССР было затерроризировано. Но осознало ли оно содеянное после падения коммунистической тирании?

Как сказал Сергей Ковалев, «немцы осудили нацизм, ужаснувшись тому, что они сделали, мы осудили советский режим, ужаснувшись тому, что делали с нами». Оценки, оценки, оценки... «...дело не столько в недостатке материала, сколько в том, – пишет Г. П. Хомизури, – что мы имеем свидетельства о репрессиях против лидеров партии, государства, профсоюзов, армии, в некоторых случаях – против деятелей науки и искусства и почти ничего о репрессиях против рядовых граждан, жителей тех сел, которые были стерты с лица земли».

Попытку оценить число жертв при Сталине предпринял еще в 1969 году Р. Конквест. Известна также оценка профессора Курганова, на которого ссылаются А. И. Солженицын и А. В. Антонов-Овсеенко в «Портрете тирана» (66 миллионов, начиная с 1917 г.), и оценка самого А. В. Антонова-Овсеенко (100 млн. человек), которая показалась Г. П. Хомизури фантастической. Тогда Г. П. Хомизури использовал идею методики А. В. Антонова-Овсеенко для своего расчета: зная количество населения в границах СССР в 1917 г., получить по данным естественного прироста теоретическую оценку на 1953 г. и из нее вычесть фактическую цифру. Из разницы следует отнять также 2 миллиона эмигрантов (в первые годы власти коммунистов), 8 миллионов погибших с 1918 г. по 1922 г. (гражданская война, голод) и 20 миллионов погибших в годы войны 1941-1945 гг. Полученный результат и будет «итогом террора». У Г.П. Хомизури получилась фантастическая оценка: более 80 миллионов человек (население России в 1917 году – 143,5 млн.; теоретическая оценка в 1953 г. – 274,69 млн.; фактическая в СССР в 1953 г. – 188 млн.; население, оккупированное в 1939 - 1945 гг. – 23,97 млн.;

итог: $274,69 + 23,97 - 2 - 8 - 20 - 188 = 80,66$ млн.)

Полученная оценка также вызвала у Г.П. Хомизури серьезные сомнения. И действительно, в приведенном расчете не учтены нюансы, существенно влияющие на общий итог, ведь уже в первые годы власти коммунистов наблюдалось не увеличение, а уменьшение населения. Например, за первые 3 года (с 1917 по 1920 гг.) население страны (по официальны данным) уменьши-

лось на 7 миллионов человек: со 143,5 млн. до 136,8 млн. А ушедшие из жизни, как известно, прироста населения не дают.

Другими словами, чтобы сделать грамотный расчет, надо иметь коэффициенты естественного прироста по годам (учитывающие естественный прирост на фоне гибели людей).

Есть и другие нюансы. Например, неверно считать всех погибших в годы Гражданской войны жертвами коммунистического террора. Так, 1 млн. бойцов Рабочее-крестьянской Красной Армии (по данным Советской исторической энциклопедии – СИЭ, 1971 г.) погиб не от рук коммунистических карательных отрядов, а при подавлении народных восстаний в Тамбовской губернии и во многих других областях страны, в сражениях с Белой гвардией, анархистами и т. д.

Кроме того, от войск врагов советской власти гибло и мирное население, а помимо Гражданской войны продолжалась же еще и Первая мировая война. Можно продолжить перечень с тщательным, насколько это возможно, учетом происходивших в стране событий. Оценки числа жертв коммунистического террора получились такие:

1917–1920 гг. – 10 110 000 человек,
 1921–1936 гг. – 32 600 000 человек,
 1937–1938 гг. – 4 280 000 человек,
 1950–1953 гг. – 3 170 000 человек,
 всего за 1917–1953 гг. – 72 170 000 человек.

Хотя полученный итог и оказался меньше названных выше 80 660 000 человек, он также изумил Г.П. Хомизури, который решил воспользоваться методом доказательства от противного.

Для этого ему пришлось допустить, что официальная советская статистика безупречна, а все слухи о коммунистическом терроре – ложь: не было террора в годы Гражданской войны; в это же время не по вине коммунистов, а только от террора белых и голода погибли 8 млн. человек; в коллективизацию по вине коммунистов никто не погиб; в войне 1941-1945 гг. погибли 20 млн. человек, причем ни один от рук коммунистов. Даже в этом случае по его же методике подсчетов получается «нехватка» населения около 50 млн. человек. Печальный итог!

Тем более печальный, что даже сегодня кое-кто недовольно морщится, едва заслышав разговоры о преступном режиме, и

снисходительно заявляет, дескать, жертвы, может быть (!) были, но... Цена этому «но» известна: по самым оптимистическим оценкам – не менее 50 миллионов жертв!

P.S. Интересно отметить: в книге «Демографическая модернизация России 1900–2000» (Москва, Новое издательство, 2006 г.) демографические потери России с 1900 г. по 2000 г. оцениваются в 137 млн. человек, а оценка демографических потерь с 1900 по 1954 годы составляет 76,4 млн. человек. Это вполне соответствует оценкам Г.П. Хомизури за период с 1917 по 1953 год

Фото из архива Г.П. Хомизури

2005 – 2006 гг.

Истребитель вражеских танков

Когда образцы нового противотанкового ружья возвратились с полигона, их почистили и отправили в Комитет обороны. 29 августа 1941 года ружье приняли на вооружение, и министр Дмитрий Устинов дал указание немедленно приступить к его производству: к октябрю Красная Армия должна была получить триста штук.

Делали все весьма срочно, по эскизам, и многое в инструментальном отделе, поскольку высокая квалификация инструментальщиков позволяла обходиться без технической документации.

20 октября за тремя сотнями ружей приехали грузовые автомобили с фронта и увезли их в армию под командованием Константина Рокоссовского, защищавшую Москву с северо-запада. Именно туда фашисты бросили на прорыв основную массу танков...

1 ноября 2001 г. Александру Андреевичу Дементьеву создателю этого легендарного оружия исполнилось 89 лет. Он охотно отозвался на мое предложение встретиться и рассказать о себе.

Родился он в Санкт-Петербурге. Когда умер отец, мать вместе с сыном уехала жить в деревню в Тверскую губернию. В 1923 году дядя, военный моряк, забрал племянника в Петроград. Окончив семь классов школы в 1928 году, Саша Дементьев поступил в школу фабрично заводского обучения (ФЗО) при радиоаппаратном заводе имени Козицкого. После трех лет учебы молодого слесаря-инструментальщика шестого разряда направили изготавливать инструмент: работа, требующая высокой квалификации. Но Александра не оставляла мысль о высшем образова-

нии. И когда необходимый для поступления в ВУЗ производственный стаж был набран, молодой специалист, многое пощупавший своими руками, ушел с завода и поступил в Ленинградский Политехнический институт (ЛПИ) на технологическое отделение. Стране нужны были оружейники, и после окончания ЛПИ Александра направляют по спецнабору в знаменитый Ленинградский Военно-механический институт, давший, к слову сказать, многих известных в будущем конструкторов военной техники.

Летом 1937 года Александра Андреевича Дементьева направляют в город Ковров на завод стрелкового вооружения. Это крупное предприятие, на котором работало сорок тысяч человек, занималось не только изготовлением, но и созданием стрелкового оружия, начиная от разработки документации до отработки образцов на полигоне. Дипломированный инженер-конструктор попал в отдел Главного конструктора. Здесь он работал вместе с такими маститыми конструкторами, как Г. С. Шпагин (автор знаменитого ППШ), С. В. Владимиров (руководитель разработки пушки и пулемета-двадцатки для самолета), П. М. Горюнов, Б. Г. Шпитальный, И. Н. Колесников и многие другие.

Надо сказать, что в Военно-механическом институте Дементьев очень много воспринял у А. А. Благонравова, который воспитывал своих студентов всесторонне образованными специалистами. Хорошее знание методов расчетов на прочность, баллистических расчетов и систем автоматики позволили ему квалифицированно помогать своими расчетами и Георгию Шпагину, и Семену Владимирову.

В 1940 году на заводе было создано ОКБ-2 во главе с В. А. Дегтяревым, конструктором, как говорят, от Бога, получившим много полезных знаний от генерала В. Г. Федорова, который еще до революции вел разработку автомата и пулемета. Дегтярев работал у него когда-то слесарем.

К этому времени знаменитый ручной пулемет Дегтярева был уже создан. Приказом директора завода Дементьева перевели в ОКБ-2 начальником группы. Подразделение занималось разработкой пистолета-пулемета, противотанкового ружья, станковых пулеметов. Из многих разработанных образцов на вооружение Красной Армии приняли ППД (пистолет-пулемет Дегтярева).

ППШ (пистолет пулемет Шпагина) был принят на вооружение позднее.

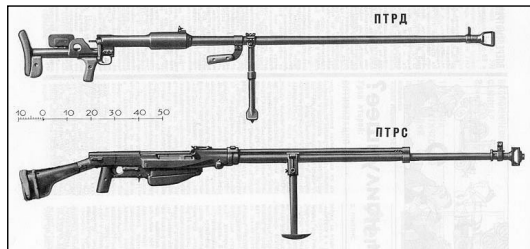
Александр Андреевич вспоминает, что работы шли в обстановке строгой секретности: Дегтярев работал в своей комнате и никого из посторонних в нее не пускал. Так же делали Шпагин и Владимиров.

Следует сказать, что еще во время Первой мировой войны вслед за появившимися танками стали разрабатывать для борьбы с ними и противотанковые ружья. Они состояли на вооружении армии у шведов, немцев и швейцарцев. У нас же танкам долго предпочитали кавалерию, и разработкой противотанковых ружей начали заниматься с большим опозданием только в 1936 году. Их разработкой руководили С.В. Владимиров,

С.Г. Симонов, В.А. Дегтярев, Б.Г. Шпитальный и другие. Первыми противотанковыми ружьями в СССР были ружья Владимиров-ва и Шпитального.

И вдруг в 1939 году начальник Главного оперативного управления Григорий Кулик получил сведения о том, что немецкие танки имеют броню толщиной 60-100 миллиметров. А поскольку такая броня была ружьям не по зубам, дальнейшие разработки противотанковых ружей были остановлены. Мало того, прекратили производство даже 76-мм противотанковой пушки, причем прекратили столь решительно, что потом быстро раскрутить его оказалось делом невозможным.

Результат этого безответственного решения известен: в первые месяцы войны против танков шли бойцы, вооруженные «коктейлем Молотова» – бутылками с зажигательной смесью. Броня же на немецких танках оказалась толщиной не 60-100 миллиметров, а всего 15-40. И встал вопрос о разработке нового, надежного, легкого в обращении и изготовлении эффективного противотанкового оружия. В Туле срочно организовали произ-

**14,5 мм противотанковые ружья
конструкции Дегтярева и Симонова
1941 г.**

водство немецкого противотанкового ружья калибра 7,92 мм, однако довести до ума не сумели.

ОКБ-2 стало разрабатывать противотанковое ружье с патронным калибра 14,5 мм: броню толщиной 15-20 миллиметров (легкие танки) такой патрон пробивал с расстояния 400 метров. Броню средних танков (толщиной 25-40 миллиметров) можно было пробить, подпустив танк ближе, на расстояние 300 метров.

В.А. Дегтярев принял решение создать специальную группу по разработке противотанкового ружья во главе с Дементьевым и двумя техниками Г.С. Гараниным и С.М. Крекиным.

И Дементьев не ударил в грязь лицом. Его группа разработала ружье с коротким ходом ствола. Сам же В.А. Дегтярев занялся разработкой противотанкового ружья под тот же патрон (14,5 мм) с длинным ходом ствола на основе ружья Владимирова, не принятого в свое время на вооружение.

Когда оба образца были представлены в Главное артиллерийское управление (ГАУ), там сочли, что ружье Дегтярева очень тяжелое, имеет серьезные недостатки, а ружье Дементьева нуждается в доработке: его следует сделать одноразовым. В результате было разработано одноразовое ружье с автоматическим открыванием затвора и выбрасыванием гильзы. Заряжался патрон вручную. В боекомплект противотанкового ружья входили патроны двух типов: со стальным, каленым сердечником и с металлокерамическим сердечником, которые наряду с высокой бронепробиваемостью обладали и зажигательным действием.

Ружье было испытано на полигоне и показало хорошие результаты при стрельбе по броне немецких и отечественных танков.

29 августа 1941 года постановлением Государственного Комитета обороны 14,5 мм однозарядное противотанковое ружье (ПТР) было принято на вооружение Красной Армии. Позднее его стали называть ПТРД противотанковым ружьем конструкции Дегтярева. Аналогичным постановлением было принято на вооружение противотанковое ружье Симонова (с магазином), которое разрабатывалось параллельно.

Ружье, разработанное группой Дементьева, хотя и несколько уступало ружью Симонова по скорострельности (семь выстрелов в минуту против десяти), но было заметно легче (17,3 килограмма против двадцати четырех).

Следует отметить, что в битве за Москву ПТРД был основным средством борьбы с танками противника. Только за ноябрь и половину декабря было изготовлено 17500 ружей. Немецкие танки запыляли. За всю войну эти ружья уничтожили не одну тысячу танков. Участвовали они и в знаменитой битве на Курской дуге. Бойцы научились поражать из этих ружей даже тяжелые танки: пехотинцы пропускали их, прячась в окопе, и поражали сзади. Только в 1942 году ковровцы поставили фронту 184800 ПТРД.

Для хорошо организованной борьбы с танками были созданы специальные подразделения бронебойщиков: бывалые бойцы знали, куда стрелять, и подстраховывали друг друга.

На этом работа Александра Дементьева в качестве оружейника, не закончилась.

Началась разработка нового автомата-конкурента автомату Калашникова. Но через два года Дементьева назначают главным инженером в Златоуст, где он активно включается в производство нового вида оружия – ракет для подводных лодок.

Этим Александр Андреевич занимался долгие двенадцать лет. А потом не выдержала тяжелого климата и заболела жена. Новый министр Константин Руднев предложил Дементьеву перебазироваться в Калининград (теперешний Королев) в Институт измерительной техники (теперь НПО ИТ). Здесь Александр Андреевич проработал заместителем главного конструктора вплоть до перехода в ЦНИИМАШ, где в должности заместителя главного инженера-начальника производства трудился до выхода на пенсию в 1985 году.

О нем вспомнили воины афганцы. Они разыскали А.А. Дементьева в Королеве, встретились с ним. Они рассказали, что использовали его ружье в Афганистане, причем, даже в борьбе с низколетящими самолетами. И сняли о конструкторе любительский фильм.

**Фото из архива А.А. Дементьева
2001 г.**

Подвижница на ниве литературы, культуры, нравственности

Лет десять тому назад я встретил женщину, которая сразу привлекла мое внимание. Она не шла, она плыла какой-то царственной походкой, подчеркнуто достойной, и была в такой элегантной шляпе, что невольно захотелось увидеть ее лицо, прикрытое полями... А увидев, я тут же понял: передо мной человек благородного происхождения, переживший много бед, потерь, трудностей, но который выстоял. Чего бы это ему ни стоило. Разумеется, подойти к незнакомой женщине на улице я не решился. Мы познакомились с ней несколько позже, на одном литературном вечере. Мое первое впечатление не обмануло меня.

***Доброслава Анатольевна
Донская
с автором этой книги***

И вот мы сидим в кухне ее скромной квартиры в Комитетском лесу, и я слушаю рассказ о жизни, такой индивидуальной и в то же время такой похожей на жизни тысяч и тысяч наших со-

отечественников, по судьбам которых прокатилось «Красное колесо».

Она родилась в селе Семеновское Ярославской губернии, а детство провела в селе Никольское (той же губернии), на Ухтоме – в месте необыкновенной красоты, в дворянской семье. Мать – из Петербурга, отец из города Пошехонье, основанного Екатериной Великой. Это был богатый дворянско-купеческий город с пятью золотобоями. Не знаете, что это такое? Доброслава Анатольевна – так зовут мою собеседницу – объяснила это и мне. Золотобой – это цех, где маленькие кусочки червонного золота превращаются в тонюсенькие листочки. К слову сказать, все фигуры фонтана «Дружба народов» на ВВЦ покрыты такими листочками.

– У меня было прекрасное детство, – рассказывает Доброслава Анатольевна. – Дивная природа, красивый храм, интеллигентные люди, живущие в этом селе. Семья: папа, мама, бабушка, брат. По вечерам – чтение вслух (то, что в нынешних семьях, как правило, напрочь забыто), домашние спектакли (у родителей и знакомых), огромная библиотека. Помню, как плакала над «Хижиной дяди Тома», как зачитывалась Жуковским. Однажды в журнале «Нива» мама прочитала пятилетней дочке пронзительное стихотворение, строки из которого она пронесла через всю жизнь.

...Лгать не надо, лгать нехорошо. Кто тебя учил, дружок?

Ко лжи в семье было особое отношение: в детях воспитывали презрение ко лжи и к человеку, который лжет. Безоблачное детство рухнуло в 1941 году. Нет, не с началом войны, а раньше. В селе арестовали 10 человек, интеллигентов, включая директора средней школы и священника. Храм разрушили. Отца Доброславы арестовали несколько раньше матери. Родители так и не вернулись. Мать канула в одночасье, от отца дочь получила два письма из Славлага, прежде чем и он исчез навсегда.

Много позднее Доброславе Анатольевне удалось ознакомиться с протоколами допросов отца во время следствия. Допросы шли ночами и продолжались по 6 – 8 часов в свете направленной в глаза лампы. Окончательную судьбу и матери, и отца, места их захоронения дочери выяснить так и не удалось...

В ходе арестов дом был разгромлен, уникальная библиотека исчезла. Детей приютила тетя, жившая в г. Пошехонье. К этому

времени Доброслава окончила 7 классов школы в родном селе и поступила в Пошехонское педучилище. Окончив его в 1943 году, семнадцатилетняя Доброслава начала работать в начальной сельской школе на Урале. А через год, в августе 1944 года, когда блокада с Ленинграда была снята, приехала в практически пустой, тихий город, завербовавшись на Кировский завод.

Когда началась известная чистка 50-х годов по так называемому «ленинградскому делу», Доброслава училась на втором курсе Ленинградского университета. Раз за разом, на лекциях, студенты узнавали об аресте очередного преподавателя. Вспомнили и о дочери «врагов народа»: из университета Доброславу не просто изгнали, вызывали на допросы «со светом в глаза», когда вопросы слышишь, а спрашивающего не видишь. Но потихоньку отстали и даже дали возможность поступить на 3-й курс Ленинградского педагогического института.

– Мне очень повезло с преподавателями, – рассказывает дочь «врагов народа». – Здесь оказались... изгнанные из университета преподаватели, выдающиеся преподаватели!

Став дипломированным специалистом, Доброслава вела литературу в старших классах школы. Потом – кафедра литературы в институте повышения квалификации, аспирантура в институте им. А. И. Герцена. С большим интересом работала она над диссертацией, посвященной сатире В. В. Маяковского. И делала это настолько серьезно, что даже несколько раз посещала в Багдаде сестру поэта, Людмилу Владимировну.

Когда диссертация была готова, соискательницу к защите... не допустили: клеймо дочери «врагов народа» проступило на ее судьбе в очередной раз!

Через некоторое время мужа Доброславы Анатольевны перевели на службу в Москву. И здесь она в течение 16 лет преподавала в техникуме легкой промышленности. По ее словам, это бы-

Фото Д.А. Донской 1963 г.

ло замечательное время: студенты, художники-модельеры, любили литературу, музыку, живопись.

– Мы объехали с ними, – вспоминает Доброслава Анатольевна, – всё литературное Подмосковье. Провели семь незабываемых дней в палатках в Ясной Поляне.

Мне очень близки и понятны мысли Доброславы Анатольевны о преподавании литературы: цельное произведение нельзя расчленять на составляющие. Просто необходимо протягивать от него ниточки в настоящее, тогда и Н. В. Гоголь, и Н. Е. Салтыков-Щедрин становятся подлинными современниками. Без этого – писателя в школе не «проходят», а проходят мимо писателя!..

Каким бы радостным не было время работы в техникуме, но и здесь напомнило родное государство о «неполноценности» отдающего себя целиком работе преподавателя. Доброслава Анатольевна попала в число шести отобранных кандидатов, которые должны были преподавать русский язык и литературу в посольстве СССР в Бельгии на потрясающих для того времени условиях. Но перед самым отъездом Доброславу Анатольевну на собеседование не пригласили: клеймо дочери «врагов народа» сделало ее невъездной.

– Я до сих пор не понимаю, – говорит она с полным основанием, – если правительство Германии искупает свою вину перед евреями нашей страны, то почему наше правительство не искупает вину даже перед своими гражданами – детьми «врагов народа». Спасибо и за то, что теперь я могу сказать не таясь: да, я – дворянского происхождения. Да, мои родители погибли в сталинских лагерях!

А потом меня проводили «на заслуженный отдых»! Но я почувствовала, что жизнь на заслуженном отдыхе не для меня, каким бы заслуженным он ни был. Я стала лектором Всероссийского общества «Знание». Ездил с лекциями по всей стране: литература, эстетика, этика.

Несмотря ни на что, – говорит она мне на прощанье, – я сохранила привычку радостно встречать новый день и благодарить Бога за прошедший.

После этой публикации незаметно пробежали пять лет. Готовя материал для верстки книги, которую читатель держит в руках, мне захотелось его дополнить, ибо за прошедшие годы общественная деятельность Доброславы Анатольевны продолжилась без каких-либо скидок на возраст. Передо мной книга "ЖЗЛ. Интернет-персона Доброслава Донская", любовно сверстанная М.В.Чистяковой и распечатанная в единственном экземпляре. Впечатляет один только кратчайший пересказ некоторых материалов этой книги.

Год 1997. Образование регионального общественного объединения "Клуб профессионально активных женщин". Одна из шести женщин-инициаторов, работающих в области образования, науки и искусства, ответственный секретарь Д.А.Донская. В программах объединения – помощь музыкальным коллективам в выходе на международную арену, организация музыкальных конкурсов, концертов, мастер-классов, а также помощь художникам, народным умельцам декоративно-прикладного искусства в организации выставок в стране и за рубежом.

В этом же году в Москве стартовал ежегодный Международный форум "Одаренные дети" под девизом "Да благословенна родословная земли Российской!" На форуме в многочисленных номинациях выступают тысячи детей со всех уголков России. Член Оргкомитета форума, председатель жюри конкурса "Литературный салон" Д.А. Донская.

**1989 г. Д.А. Донская
с А.И. Цветаевой**

Спустя пять лет выходит в свет книга Д.А. Донской "Анастасия Цветаева. Штрихи к портрету (дневниковые записи)" В книге описаны события каждого дня, проведенного Доброславой Анатольевной в обществе А.И.Цветаевой от первой

встречи в январе 1986 года и до ее смерти 5 сентября 1993 года. Все это время Д.А.Донская была рядом с Анастасией Ивановной в качестве подруги (несмотря на разницу в возрасте) и заботливой дочери.

В середине все того же 2002 года в подмосковном Долгопрудном прошло заседание "круглого стола": депутаты Государственной и Московской областной Думы, представители исполнительных органов власти области, мэрии города, ученые, педагоги обсуждали проблемы социальной защиты обездоленных детей. Среди выступавших – профессор Института гуманитарного образования (ИГУМО) Д.А.Донская.

Лето 2004 года. В г. Королеве, в 65-ю годовщину приезда М.И. Цветаевой в Болшево (ныне – район г. Королева), впервые запылал "Цветаевский костер", ставший традиционным. Д.А. Донская – среди выступавших с рассказом о родителях Марины Цветаевой и чтением ее стихов.

30 января 2006 года. Гимназия св. прав. Иоанна Кронштадтского празднует свое 10-летие. В президиуме конференции, посвященной этой годовщине, Д.А. Донская, выступившая с докладом о понимании общих задач в воспитании и образовании детей.

Май 2006 года. Д.А.Донская участвует в IV Кирилло-Мефодиевских чтениях.

Август 2006 года. Д.А.Донская на борту "Цветаевского теплохода" следовавшего по маршруту Павлодар – Москва – Елабуга – Павлодар, где она сделала интереснейший доклад о православии в жизни семьи Цветаевых.

Сентябрь 2007 года. На ежегодном духовном празднике "Вера, надежда, любовь" в Российской школе (г. Королев) с учащимися 10 – 11-х классов проводит беседу Д.А. Донская.

Декабрь 2007 года. В отделе редких книг Московской областной государственной библиотеки им. Н.К. Крупской, в завершение года русского языка, страстно и эмоционально в защиту русского языка выступает Д.А. Донская.

Январь 2008 года. В конференц-зале строительной компании "Славяне" состоялся литературный вечер "Духовные цветы поэзии", посвященный Рождеству Христову. Ведущая вечера – Д.А. Донская.

Ноябрь 2008 года. Д.А. Донская – победитель городского литературного конкурса им. С.Н. Дурылина в номинации "Литературоведение" за работу "С.Н. Дурылин и его время".

Декабрь 2008 года. На Вторых городских образовательных чтениях (г. Юбилейный) Д.А.Донская выступает с докладом "Размыслите в сердцах ваших" о роли традиций православия в жизни российского народа, о необходимости укреплять семью, воспитывать детей в любви, доброте, строгости.

И это лишь небольшая часть (представленной в материалах сайтов Интернета) общественной деятельности Доброславы Анатольевны Донской – почетного профессора ИГУМО, почетного ветерана Подмосковья. Лауреата литературной премии им. С.Н. Дурылина, члена Оргкомитета Международного форума "Одаренные дети", члена Совета Старейшин Ассоциации жертв политических репрессий, автора книги об А.И.Цветаевой "Штрихи к портрету" и более 70 газетных и журналистских публикаций, многократного участника Рождественских педагогических чтений в Москве, Боровске, Королеве, участника 4-х Кирилло–Мефодиевских чтений в г. Элисте (Калмыкия) и литературных чтений в Москве, Калуге, Плесе, Пошехонске (Ярославская область), Протвино, Королеве, Тарусе, Елабуге, Александрове.

За многолетнюю педагогическую и общественную деятельность по всестороннему развитию и воспитанию детей Д.А.Донская награждена:

Орденом Екатерины Великой 11 степени, бронзовой медалью ВДНХ, медалью "За долголетний добросовестный труд", медалью "250-летие г. Ленинграда",

Февраль 2010 г.

юбилейной медалью "850-летие Москвы", медалями "50 лет Победы в Великой Отечественной войне", "60 лет Победы в Великой Отечественной войне" и "65 лет Победы в Великой Отечественной войне".

Дополняя материал 2005 года, я вновь побывал в гостях у гостеприимной Доброславы Анатольевны. Как реликвии, как память сердца показала она мне два бережно хранимых документа. Один – приглашение, в котором "Святейший Патриарх Московский и всея Руси Пимен и Священный Синод просят Донскую Доброславу Анатольевну пожаловать на торжественный акт, посвященный юбилею 1000-летия крещения Руси", состоявшийся в Большом театре Союза СССР 10 июня 1988 г.

Второй документ – программа концерта, посвященного 100-летию со дня рождения М.И. Цветаевой, состоявшегося в Большом зале консерватории 12 октября 1992 года. В этом концерте, наряду с народными артистами России Аллой Демидовой и Сергеем Юрским, приняла участие и открывала концерт Словом о жизни и творчестве Марины Цветаевой литературовед Доброслава Донская.

Не скрою, я долго думал над тем, как же эффектно закончить этот очерк о необыкновенной женщине-подвижнице на ниве литературы, культуры, нравственности. И в конце-концов понял, что лучше фразы из двух слов не придумать: ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ!

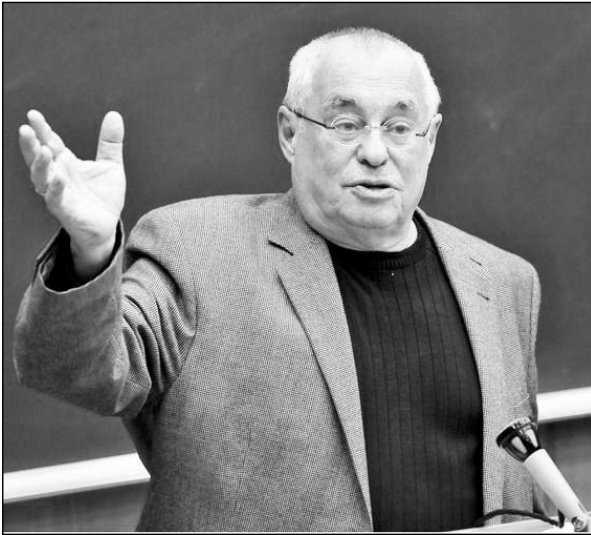
**Фото из архива Д.А. Донской
2010 г.**

Т Р И Ю Б И Л Е Я

В театре «У Никитских ворот» – музыкальный балаган: художественный руководитель театра, народный артист России Марк Розовский поставил свою пьесу по поэме Семена Кирсанова «Сказание про царя Макса-Емельяна». Эта постановка связана сразу с тремя круглыми датами: 50-летием создания эстрадной студии МГУ «Наш Дом» (1958 г.), 40-летием первой

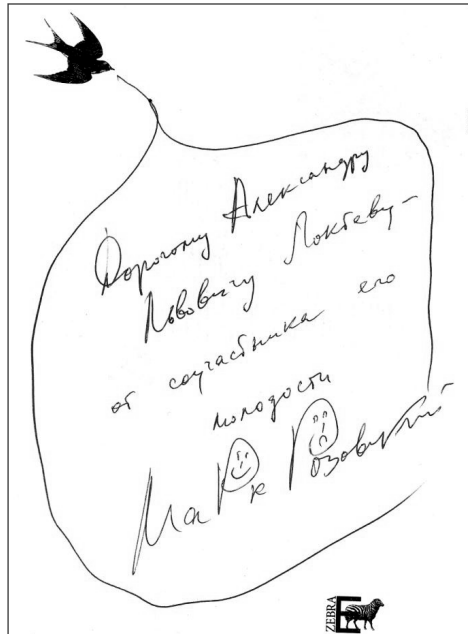
постановки «Сказания» (1968–69 гг.) и 40-летием драматического закрытия студии (1969 г.) решением парткома МГУ с обвинениями в «антисоветчине». К полувековому юбилею эстрадной студии МГУ приурочен также выход в свет книги Марка Розовского «Поймали птичку голосисту...» (М., АСТ, Зебра – Е, 2009), в которой глазами очевидцев представлены, как сказано в аннотации, «величие и трагедия одного из самых

значительных и ярчайших явлений отечественной культуры 60-х годов – театра-студии МГУ «Наш Дом». Величие – потому что «Наш Дом» изменил вектор развития всей театральной жизни страны. Трагедия – потому что талант, молодость, ирония, свобода, смех далеко не всегда уживаются на одной сцене с властью».

Я принадлежу к поколению «шестидесятников», чье гражданское сознание было сформировано «хрущевской оттепелью», «венгерским заморозком» (1956 г.), «пражской весной» (1968 г.), и я прекрасно помню, как ломилась молодежь на спектакли «Нашего Дома», которые (без преувеличения!) были подлинными глотками свободы. Помню я и первую постановку спектакля «Сказание про царя Макса-Емельяна», и многие другие спектакли, которые смог посмотреть только благодаря протекции моего однокашника по учебе в МВТУ, актера студии Володи Розина. Спасибо ему за это!

Так что вполне объяснимо мое желание поговорить об этих юбилеях, и вообще о театре, с Марком Григорьевичем Розовским, чей творческий путь начался с эстрадной студии МГУ «Наш Дом».

«Та действительность, в которой мы все жили, – пишет он в книге «Поймали птичку голосисту...», – была некоей данностью, и надо было в этой данности обрести свое достоинство и сохранить его в поступках. Для меня таким поступком и был наш скромный студенческий театр, которому мы отдавали все».

Автограф Марка Розовского на его книге «Поймали птичку голосисту...»

Марк Григорьевич любезно согласился ответить на мои вопросы.

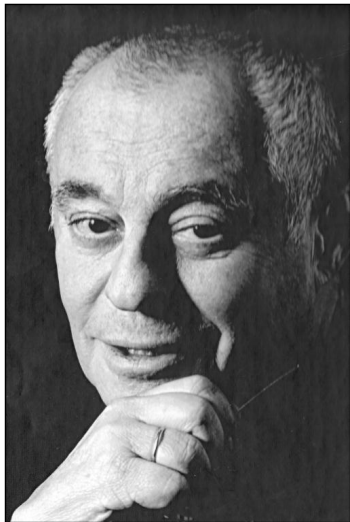
Марк Григорьевич, в честь 50-летия «Нашего Дома» Вы заново поставили именно «Сказание про царя Максима Емельяна». Почему? Спектакль дорог Вам как последняя капля, переполнившая чашу терпения власти перед назревающим закрытием студии, или же, как универсальная форма, дающая возможность высказаться о реалиях современной жизни?

– Пожалуй, то и другое. Однако главным стимулом сегодня было желание внести в и без того разнообразный репертуар театра «У Никитских ворот» еще один спектакль-праздник, создать «убойное» зрелище, в котором бы мои актеры фонтанировали искрометной импровизацией, купались в стихии игры, превращая низкое в высокое, как этого требует настоящий балаган... Начитавшись в шестидесятые годы М.М.Бахтина (литературовед и теоретик искусства – А.Л.), я и сегодня болен его концептами, применимыми на театре. Мне хотелось обрушить на зрителя вал карнавальности и веселости – точно так же, как мы это сделали в 68-м году. Не скрою, хотелось такого же бурного успеха, когда благодаря неистовству зрелища зал тоже неистовствовал своими бурными смеховыми реакциями на происходящее на сцене. Я всегда считал, что театр – знак свободы, сигнал свободы, прежде всего внутренней, и потому мне вечно хотелось встряхнуть человека, сидящего в зрительном кресле, избавить его от спячки, от инерции скучного существования, заразить его какой-то новой энергией жизни, чтобы он почувствовал ее вкус, ее прелесть... Театр это может, поскольку наше искусство контактное, живое, а значит, теребящее человеческую натуру. Мне хотелось в каждом зрителе «проснуть гражданина», если так можно выразиться, а для этого надо было суметь его «завести» свободой и вихрем актерского изъяснения, когда балаган творится на глазах, буйство красок и многоцветье жизни побеждают унылую эпоху серости и одинаковости. Это – сказка, в которой все чрезмерно, есть даже элементы эпатажа, ибо любая грубость и соленость здесь идут от фольклорного рассвобождения духа и плоти,

от народной гулянки на площади, от всеобщего очищения правдой и радостью бытия.

До сих пор помню впечатление от первой постановки «Сказания» как от сценического шедевра. Хотелось бы услышать от Вас сравнение обеих постановок.

– Мне самому неловко сравнивать. Конечно, сейчас и время другое, и, стало быть, шутки другие... Но сама первооснова – блистательная по языку, по виртуозности стиха поэма Семена Кирсанова – та же, ее смысл даже стал актуальнее (к сожалению!) по сравнению с 68-м годом, – во всяком случае, я убежден, ничуть не потерял в наши дни свою сатиричность. Если раньше, скажем, Аника-воин как персонаж ассоциировался с танками, введенными в Чехословакию, то сегодня здесь явно проглядываются наши подвиги и в Афганистане, и в Чечне, и в Грузии. Да и то, что мы нынче зовем «борьбой с коррупцией», обнаруживает ее мнимость хотя бы тем, что ее провозглашают те, кто эту самую коррупцию и составляет. Если бы это было не так, сегодняшней зал нам бы не рукоплескал. А зритель рукоплещет, потому что чувствует правду, которая в образной форме доносится до него со сцены. И я тут ничего не преувеличиваю. Может быть, такую сатиру можно было бы назвать, как раньше, – «фигой в кармане», – что ж, я не против, если эта «фига» наносит удар по нынешней бюрократии и заевшейся новой армаде чиновников, по-прежнему сидящей на народной шее. Сказка – ложь, да в ней намек!..

Добавлю в этой связи одно – второго сценического варианта «Сказания» не было бы, если б не было того, первого. Я не собирался делать точный повтор, копировать старые трюки и музыку – но, повторяю, общий смысл и решение спектакля – те же.

Давайте вспомним времена полувековой давности. Творившие в условиях цензуры художники вынуждены были прибегать к эзопову языку, чтобы донести до зрителя свою подлинную, а не показную, гражданственность. И это способствовало творческому росту Театра (с большой буквы!). Такой театр был тогда настоящим человековедением. Разумеется, я – не за цензуру. Но не кажется ли Вам, что при ее отсутствии сегодня театр как-то помельчал?

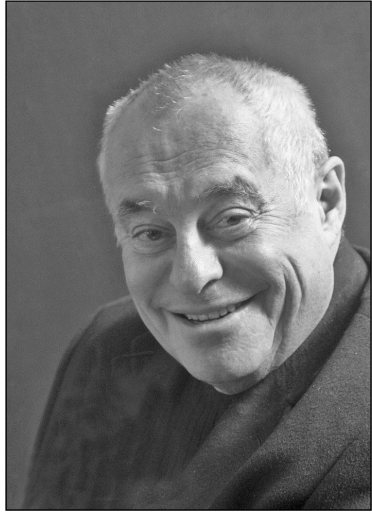
– При отсутствии цензуры – а это, безусловно, достижение, которое возникло еще в советское время благодаря Михаилу Сергеевичу Горбачеву и «перестройке» – театр и возвысился, и помельчал... Те художники (а они есть и сегодня), кто занимаются Искусством, конечно же, радуются, что могут творить свободно, делать то, что хочется, к чему зовут их душа и совесть. Но время рыночных отношений предприняло и атаку на Искусство, возведя его коммерциализацию как основополагающий принцип новых дней. Перед творцами встала первейшая проблема – как выжить при «диком капитализме», где бы как-нибудь что-то урвать или подзаработать. Наше любимое псевдодемократичное государство до сих пор так и не приняло Закон о меценатстве, который мог бы хоть чуток поправить дело, и, более того, учинило великому русскому репертуарному театру настоящий чиновничий беспредел и всякими «казначействами», «тендерами», запретами «аренды», и просто отъемом заработанных театром денег. Цензуры нет, зато давление бюрократии на само существование и функционирование театров огромно. Нас явно хотят обанкротить и далее, так сказать, «ле-ги-тимно» (!) отобрать помещения и разогнать труппы. Нас хотят уничтожить, – явную угрозу самому существованию государственных театров мы сегодня чувствуем как никогда. И от кого? От самого государства, как ни парадоксально это звучит. Вот только вопрос: насколько патриотично это будет по отношению к нашему народу, которого в данном контексте, легко обозвать просто «публикой». «Пипл хавает!» – этот восторженный крик троглодита, влезшего на подмости для осквернения святынь, призывает к торжеству шарлатанства и пустоты. Эманация в сторону примитива сделалась весьма заметной. Омассовле-

ние нашей культуры и подмена ее фундаментальных ценностей на попсу и телевизионную дребедень сериалов и боевиков – одна из составляющих нашей новейшей системы, чья доктрина направлена на всеобщую «дебилизацию общества», на сознательную организацию одичания молодежи прежде всего. Вы спросите: а зачем? А затем, что таким темным, малокультурным, нецивилизованным контингентом (вместо народа) легче манипулировать, легче управлять, сохраняя себя у власти.

В этих условиях растущая беззубость театра, его холодность, его отъединенность от реальной жизни в сторону гламура и всяческого «глянца» очевидны. Российский театр катастрофически быстро теряет традиционную сакральность своего священнодействия. Печально, но так. Мы в дискретной зоне театральной истории, когда старые достижения с корабля современности сброшены, а новые победы им по щиколотку. В сегодняшнем театре смещены критерии и не всегда ясно, что такое хорошо и что такое плохо. Бывает, спектакль провозглашают гениальным, а он живет как бабочка-однодневка.

Но самое страшное сегодня – попытки соединить безнравственность с искусством. Раньше именно искусство – настоящее, русское! – стояло на страже и пыталось хранить божественное, называя беспощадно вещи своими именами. Теперь искусство может само распространять дьяволиаду, отказываясь от своей светоносной миссии, внушая людям путаницу в оценках лиц и явлений.

К примеру, недавно один известный гений – режиссер заявил по радио «Эхо Москвы» о «неоднозначности» Сталина. «Он же жил какой-то совершенно человеческой внутренней жизнью...там и ад, и рай... нельзя сказать, это только зверь!» – в присущей ему горячей эпатажирующей манере восклицал мой коллега. «Он во время войны церкви раскрыл!» От него, мол, такая

энергетика исходит – прямо в наше время проникает!.. «Мессию ждут».

Всё бы хорошо было в этих разглагольствованиях, если бы злодея назвали злодеем, чудовище чудовищем, изверга и палача – соответственно. Но нет!.. Что это?.. Очередное «очеловечивание» кровавой гнуси и мерзости или, может быть, тот самый глубинный психологизм шекспировского масштаба, которого так не хватает нашему театру?

Скорее позор легкомыслия и безответственности, заигрывая с темой общенародной трагедии, требующей иной глубины осознания и восприятия. Недаром, в живой эфир посыпались звонки от множества возмущенных слушателей.

Люди ахнули – неужели это тот самый творец, которого многократно провозглашали гением, а он в ответ гениальничал, гениальничал, гениальничал, то и дело переодевая мускулистых мужчин в женское платье и создавая ожившие декоративные картинки с сомнительной пластикой на грани фола. Это был, по сути, наш провинциальный российский декаданс, стилизованный под черт знает что – помесь бутика и гламура с фресками «камасутры», что продаются по вагонам немymi торгашами...

И вот такой пассаж... Такое падение...

А ведь никакого падения нет. Творец беспредельщины, мастер сценической вседозволенности, солнце наше, ослепляющее нас элементарным мужским стриптизом в драме – это ли не тот же, вывернутый наизнанку, бесовский сталинизм, безбожие которого зиждется на чисто режиссерском концепте «цель оправдывает средства». Тут Художник и Сталин сливаются в малохудожественном поцелуе. Оба диктаторы. Оба грешники. Оба из тех, кто сознательно переступают черту. Каждый – «то ли Бог, то ли дьявол»!

Вот только маленькое замечание: живи наш мейерхольдик в сталинское время, он бы и пискнуть в искусстве не успел. Остались бы от него и его эстетики одни рожки да голенькие ножки. Впрочем, вспоминается, как этот высокочтимый коллега ставил в давнее, но незабываемое Брежневское время – не где-нибудь, а, кажется, в Малом театре – спектакль – поэму о Леониде Ильиче по тексту Леонида Ильича для Леонида Ильича. Как говорится, единожды солгавши...

Так что нечему удивляться.

В нашем театральном сообществе все то же, что и в обществе Большом – полнейшая анемия гражданственности и как результат – случай с многоуважаемым Мастером в живом эфире.

Сейчас модно заявлять о своей аполитичности. Накушались политикой в «соцреализме», устали от политики в постмодернизме, сбросили с парохода современности Маяковского и Брехта, превратили Солженицына в друга чекистов, запустили в народ «оружие массового уничтожения» духа – сериалы и боевики, футбольных фанатиков поставили в шеренгу скинхедов, скинхеды, в свою очередь, пришли в консерваторию(!), – и получился культурный пейзаж нового бесцветного времени с отдельными выбросами всевозможных артефактов, актов, акций, «продуктов» и «товаров» на дорогостоящую помойку псевдоискусства. Пустота завладевает миром. И что самое страшное – внутренним. Да тут этакий сговор: государству нужны пустые люди, пустым людям нужен новый Сталин. Знакомая история!..

Есть Театр и театр. И они обслуживают совсем разных зрителей – зрителей культуры и зрителей пошлятины. Один мой знакомый вообще убежден, что в театр ходят те, кто не умеет развлекать себя сам. Что Вы скажете о зрителе современном? По-прежнему ли, на Ваш взгляд, востребована сатира? Над чем зритель смеется сегодня? Над чем плачет?

– Да, театр сегодня частенько идет на поводу у потребительского и обывательского запроса на развлечение любой ценой. Но это беда не только России, но и всего мира, – в любом уголке Земли люди хотят отдыхать и получать удовольствия. И это нормально. Но вся штука в том, чтобы дать этим людям возможность выбора, шанс на встречу и с высоким духом. Пусть рядом с многотонной и многоденежной «попсой» будет и немного штучного Искусства и, уверяю вас, современный зритель сам разберется, где зерна, а где плевелы. Те-

атр «У Никитских ворот» 25 лет (!) работает с каждодневными аншлагами. А ведь это театр, о котором было мною давно сказано: «У нас нет звезд, зато есть мастера» и «Мы, конечно, театр для избранных, но вся прелесть в том, что этими избранными могут быть все!».

Извините за самоцитирование, но тут важна суть: мы театр демократичный, мы любим своего зрителя и он «голосует за нас ногами» – он к нам 26 лет идет!.. Факт!..

Что касается того, над чем зритель смеется и плачет именно сегодня?.. Честно отвечу: не знаю и не хочу знать – в период замысла это знать вредно, ибо можно скатиться в болото зависимости от зрительского восприятия. Но когда спектакль готов, радуешься «попаданию» и огорчаешься своим «промахам». Предположительно можно рассчитывать на успех, но главное, что тобой движет – это смысл и форма твоего высказывания, твоего послания в зрительный зал. И тут тебе помогает Автор, в мирознание которого ты пытаешься вникнуть. А жанр тут может быть любой: сегодня тянет к трагедии – делай трагедию, завтра захотелось пошутить – попробуй сатирический массив... Ставь, что угодно – лишь бы Актерам было, что играть, и зрителям, что смотреть. Лично мне нравится – у себя и у коллег – только глубокий поэтический и психологический театр, с героями, чьи характеры непостижимы и неожиданны, с конфликтами и сюжетами, которые пунктирны или прозрачны, с мыслями о жизни и смерти, о вере и безверии, о грехе и ответственности за грех, о человеке и бесчеловечности, о любви и насилии... В драме мне особенно интересен расщепленный атом внутреннего мира персонажа в канун его распада, – личность обретает гармонию лишь пройдя через страдание и сверхнапряженный духовный поиск. Но где та пьеса, которая несет такой взрывной эмоциональный и философский заряд?..

– Перейдем от зрителей к режиссерам. Кого из них Вы причисляете к режиссерам современного настоящего Театра? Какие из их постановок последних лет Вы считаете образцовыми?

– Пожалуйста, не делайте из меня Верховного Судью!.. Конечно, у меня есть и свои предпочтения, и свои преклонения, а

так же то, что я совершенно не приемлю ни у себя, ни у коллег... Думаю, и мои коллеги испытывают то же самое. Я мог бы назвать с десяток имен, которые делают свое дело мастерски, и мне, поверьте, хочется у этих творцов учиться и учиться... Ведь наша профессия уникальна вариативностью самовыражений, и это прекрасно! С другой стороны, признаюсь: далеко не все сегодня успеваешь посмотреть. Именно в силу этого разрешите уйти от называния конкретных лиц и работ. Вдруг кого-нибудь забуду или упущу?

И последний вопрос: как Вы полагаете, совершенствуется ли нравственно человечество вслед за техническим прогрессом, открывающим для этого невиданные возможности? Получают ли развитие гуманистические идеалы человеколюбия и справедливости или же, в отличие от общественного развития по спирали, нравственность движется по кругу (не зря же говорят, что каждый век имеет свое средневековье)?

– Ну, и вопросик Вы задали напоследок... Скажу кратко то, что думаю: человечеству сегодня как никогда грозит новая Ми-

ровая Война, и эта война будет войной Запада и Востока. В ней, будь она неладна, проклятая, агрессивный, обезумевший от своего религиозного фанатизма Восток применит ядерное оружие

против нас, «неверных». Будет ли при этом сметена цивилизация Запада, останутся ли при этой бойне в целостности и сохранности великие и малые народы – никто пока сказать не может... Наша близорукость, прежде всего политическая, в этом вопросе поразительна. Поэтому если произойдет сия страшная трагедия (а все к этому идет!), в этом веке уже не будет никакого средневековья. Скорее ничего не будет, даже и античности... Но чтобы не застыть на этой оптимистической ноте, хочу в конце дать нескромный, но вполне серьезный совет: приходите почаще в Театр «У Никитских ворот», и вы, надеюсь, почувствуете спасительную разницу между мертвечиной и Жизнью.

Фото из архива театра «У Никитских ворот»

2009 г.

«Судьба мудрее наших желаний»

***Беседа с ведущим актёром театра «У Никитских ворот»,
Заслуженным артистом России
Андреем Молотковым***

– Кто-то из деятелей культуры сказал однажды, что не важно, к ЧЕМУ пришел художник, а важно, КАК он к этому пришел. Как Андрей Молотков стал актером?

– В 1979 году я окончил МВТУ имени Баумана. Два года работал по специальности в НПО "Энергия". И не прекращал ездить по вечерам в театральную студию института, которую посещал еще студентом. Была подспудная мысль – с профессией не угадал. Но что делать – семья, маленькая дочь... И тут произошли в моей жизни два фантастических эпизода. Я приболел. Свободного времени было много. И попала мне в руки книга Анатолия Эфроса "Репетиция – любовь моя". Книга необыкновенная, напи-

санная философом, режиссером, педагогом, подлинным европейцем. Прочитал запоем. А через неделю узнаю – Эфрос набирает курс в ГИТИС. Загорелся! Меня всячески отговаривали: куда ты, все же схвачено, куплено? Но мое желание было так сильно, буквально – вопрос жизни или смерти! Появилась как бы форточка в иной мир. Последняя форточка в этой жизни, возможность изменить судьбу.

Конкурс был сумасшедший – 100 человек на место! На 15 мест было подано 1500 заявлений. Но меня приняли. Это были четыре сказочных года, хотя пришлось жить на стипендию, сидели на каше и воде. Теперь, с годами, я все больше понимаю, что всем обязан жене – ее самоотверженности, терпению, природной мудрости. Это были четыре года каждодневного роста. Эфрос – человек высочайшей внутренней культуры. И он буквально пестовал нас. Совсем не для красного словца он говорил нам, что с нами работает так же, как с Калягиным, Высоцким, Золотухиным. Я благодарен Анатолию Эфросу, который привил мне настоящую любовь к театру, и Марку Розовскому, научившему меня в театре работать. Благодаря им порой тяжелая работа в театре не стала для меня обузой, а приносит только радость.

– Вы сказали о двух фантастических эпизодах. Первый – это поступление в ГИТИС. А второй?

– Второй эпизод связан с тем, как я попал в театр "У Никитских ворот". Дело в том, что после окончания ГИТИСа А. Эфрос взял меня к себе в "Театр на Таганке". Там я играл в спектакле "Десять дней, которые потрясли мир". Надо сказать, что назначение А.Эфроса режиссером вместо Ю.Любимова было плохо воспринято некоторыми ведущими актерами театра, и они ушли. Когда же А.Эфрос внезапно скончался, ушедшие из театра вернулись, и мне дали понять, что здесь мне делать нечего. Полгода я был безработным. И вдруг однажды у памятника Пушкину я встретил Марка Розовского. Он сказал мне: Приходи репетировать главную роль в спектакле "Концерт Высоцкого в НИИ". Я пришел и хожу уже одиннадцать лет. Сейчас у меня пятнадцать спектаклей в месяц. Не считая репетиций.

– Есть ли у вас любимая роль?

– Пожалуй, доктор Астров из чеховского "Дяди Вани". Скажу – почему: в этой роли я нащупал свою тему, тему Личности,

нашел себя и поверил в себя как актера, обратил внимание и театра, и публики. Марк Розовский понял, что на меня можно ставить. Я имею в виду последние спектакли театра "Фокусник из Люблина", "Пир во время чумы", "Убийство в Храме. Репетиция", где мне доверены главные роли.

– **Что хотелось бы сыграть?**

– Судьба мудрее наших желаний! Кто мог знать, что я прочту книгу А.Эфроса, встречу Розовского, сыграю в "Дяде Ване", "Фокуснике из Люблина" и т.д.? Надо довериться Провидению, стараться понять, чего ОНО от тебя хочет, стараться быть в потоке, который, я уверен, несет каждого из нас...

– **А как складываются ваши взаимоотношения с режиссером? Вы – послушный исполнитель его воли, отстаиваете свое мнение, пытаетесь найти "консенсус"?**

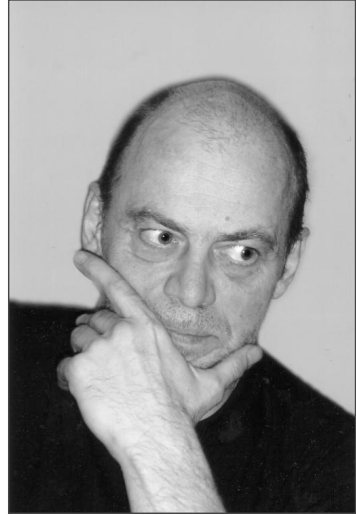
– Ох, как хотелось бы вынырнуть из ткани репетиции и взглянуть со стороны! Скажу, что далеко не всегда актеры по своим душевным качествам, по своему культурному уровню готовы к задачам, которые ставит режиссер. А ведь именно такие актеры нужны! И когда это имеет место, тогда задача режиссера сказать, ЧТО он хочет, а задача актеров – предложить, КАК это сделать.

– **Мой следующий вопрос – тема бесконечная, но – хотя бы несколько слов о процессе вживания в роль.**

– Сначала перелопачиваешь горы литературы. Идет, так сказать, подпитка. Потом – размышление. И, наконец, примерка роли на себя. Жена утверждает: как только начинается работа над новой ролью, в моем поведении появляется что-то новое...

– **Ваше отношение к авангарду?**

– Авангард – лишь форма подачи содержания. В нем, в содержании, – весь смысл, в том, ЧТО хочет сказать режиссер зрителю. Мне, например, нравятся спектакли Владимира Мирзоева. Они

взрывают наше представление о классике, об актерской игре, стимулируют зрителей. За авангардом В. Мирзоева слышен ЕГО голос.

Мне очень несимпатично новое веяние в театральной жизни. Я имею в виду появление театрального ангажемента, когда театр приглашает посторонних актеров, из разных школ, направлений, течений, на один спектакль, конечно же, кассовый. Да, приглашенные получают другие деньги, чем в труппе. Но разве это искусство? Это – ремесло. Идет разрушение традиционного театра, его школы, его видения. Боюсь, что пройдет некоторое время и ангажемент убьет настоящий театр. Процесс умирания театра уже идет. Главными людьми в театре становятся не главные режиссеры, а директора, своего рода менеджеры от искусства. Они начинают определять репертуар театра. Этот путь для традиционного русского театра губителен.

– Как нынче живет актер?

– Не хочу жаловаться: это будет нечестно, ведь многие живут хуже. Да, приходится искать приработок и на стороне. Но и в этом есть своя положительная сторона. Вряд ли бы в ином случае я начал работу и на радио. А ведь такая работа лепит Личность. Большое дело, что нет цензуры, что значительно возросло число театров, не говоря уж о возможности посмотреть мир. Я побывал в Англии, Франции, Египте, странах Скандинавии. Теперь вот театр уезжает на гастроли в Израиль.

– На режиссерскую работу тянет?

– Это совсем другая профессия, требующая умения работать с людьми. Мне пока достаточно работы над самим собой.

***Сцена из спектакля
«Мрамор. Представление»***

– **Вы – человек религиозный?**

– Отец Александр Мень говорил, что религиозность – органичное свойство, присущее всем людям как чувство идеала. В таком понимании я – религиозен. Кого-то это чувство идеала приводит к идолопоклонству, а кого-то – к постоянной работе по самосовершенствованию.

– **В работе над двумя последними спектаклями – "Фокусник из Люблина" и "Убийство в Храме. Репетиция" вам пришлось соприкоснуться с иудаизмом и православием, цитировать слова Александра Менья о том, что иудаизм – старший брат христианства. Ваше отношение к этим религиям?**

– В Копенгагене и Париже я приходил в еврейские районы, где живут по традициям двух-трехтысячелетней давности. Эти традиции для людей так же естественны, как мытье рук и чистка зубов. И я понял, что традиции – это культура, отфильтрованная временем, это те самые вещи, которые сдерживают наш звериный рык, это – корни, сохраняющие нацию. И еще одно обстоятельство поразило – необыкновенный демократизм иудаизма. Было бы чистым местом, были бы вместе десяток человек – и общайтесь себе с Богом без какого-либо антуража.

– **Меня порой поражает, как может настоящий христианин быть антисемитом: родной язык Иисуса – иврит, Богородица (Дева Мария) – еврейка, апостолы – евреи, христианский Ветхий Завет перевод с иудейской Торы, в христианских молитвах – упоминание об иудеях Исааке и Иакове, детях Авраамовых. И антисемитизм?**

– Да, простым людям можно поставить в вину незнание этого, но как быть с Достоевским? Марк Розовский сейчас усиленно читает русских философов конца XIX – начала XX веков. И вот как-то рассказывает нам в театре: читаю Владимира Соловьева, готов подписаться под каждым его высказыванием. И вдруг, че-

рез несколько страниц – махровый антисемитизм. Откуда это? Вопрос очень серьезный. Быть может, когда-нибудь я найду свой ответ на этот вопрос. Пока же скажу, что мои учителя Анатолий Эфрос и Марк Розовский – евреи. Они – подлинные европейцы, они – граждане мира! Розовский активно ставит русскую классику...

– **Вы – счастливый человек?**

– Да! Я миролюбиво, по-доброму настроен к людям. И они отвечают мне тем же. Мне не 18 лет, и я в состоянии кого-то простить, понять, мне хватает сил подняться над ситуацией и найти в ней хоть какой-нибудь позитив. В театре я счастлив.

***Фото из архива А.К. Молоткова
2000 г.***

Творчество как образ жизни

О Поповой Елене Игоревне, самобытном художнике, я узнал в школе народных ремесел «Возрождение» (г. Королев), где мое внимание привлекли работы ее учениц в стиле батик.

Для тех, кто не знает, что такое батик, попытаюсь объяснить «шершавым языком» «Советского энциклопедического словаря»: «Батик – многоцветная ткань у народов Индонезии. Рисунок наносят тонким слоем воска, материю опускают в краску, которая окрашивает не покрытые воском части ткани».

Итак, нанеся на ткань специальным клеем контуры рисунка, художник капает, как говорил Аркадий Райкин, «нужной краской в нужном месте», предоставляя краске возможность растекаться по ткани в пределах, очерченных клеем. После окончания работы воск вытапливается утюгом. Мастерство художника рождает, по

существо, новый вид живописи, сочетающий трепетность и прозрачность акварели с четкой графикой рисунка и фактурой ткани.

– Батик – волшебная техника! – говорит Елена Игоревна – пока не прогладишь, ничего не увидишь. Но зато, когда увидишь, – такое удовольствие!

... Дочь военного летчика, участвовавшего в обороне Москвы, воевавшего в Корее и погибшего в 1954 году при полете на новом самолете, она окончила в 1973 году ткацкое отделение МХПУ им. Калинина (Московское художественно-промышленное училище, теперь – имени Андрея Рублева). С большой теплотой отзывается она об учителях – Майе Дмитриевне Базановой, у которой постигала живопись, и Иване Федоровиче Рябикине, обучавшем ее мастерству рисунка. Получив красный диплом, Лена поступила на ФПИ – факультет прикладного искусства Московского текстильного института: сказалась тяга прикладника к изделиям ткацкого производства. До сих пор хранятся у Елены Игоревны образцы ее творчества той поры – на стене в рамочке висит элемент выполненного ею гобелена, а стол накрыт скатертью с вытканым изящным орнаментом.

В 1978 году судьба приводит ее на Мытищинскую фабрику художественной росписи тканей. Эта кропотливая работа специальными трубочками может быть выполнена только человеком, вкладывающим в работу душу. На фабрике Елена

Елена и Виталий Поповы после свадьбы

Игоревна разрабатывает раз в месяц авторский образец, который после принятия худсоветом, тиражируется на фабрике.

В эти же годы муж художницы Виталий Попов, тоже художник, работает художественным редактором «Недели» – популяр-

ного тогда приложения к газете «Известия». И частенько, когда неожиданно из-за чьей-то необязательности возникала «напряженка», Виталий просил жену срочно сделать необходимую иллюстрацию, нередко – за ночь. Так совсем неожиданно для себя приобщилась Елена Игоревна к журнальной и газетной графике, стала сотрудничать в качестве художника-иллюстратора с журналами «Русский язык за рубежом», «Студенческий меридиан», «Дитя человеческое», с издательствами «Политиздат», «Известия», «Русский язык». В ее активе – оформление и иллюстрирование более 30 книг, участие в художественных выставках в СССР и за рубежом (в Италии, Германии, Индии, Непале).

Накопленный багаж позволил ей выполнить в 1991 году работу художника над серией из 18 книг, изданных шведской фирмой «Старлайт» («Русские и зарубежные сказки»). Я смотрю на любовно сделанные иллюстрации, очень разнообразные по сюжету, и ловлю себя на мысли: не могу сказать, в чем дело, но четко видно, что все эти добрые рисунки сделаны одной рукой. Делюсь своим «открытием» с автором и слышу в ответ: «Не зря же говорят: что бы художник ни делал, он рисует себя!»

Следующие творческие вехи – персональные выставки в Триесте (Италия) в 1995 году и в Бонне (Германия) в 1998 году. Работы Поповой находятся в частных коллекциях страны, а также Италии, Германии, Норвегии, Ирландии, Непала, Индии, Англии, Сингапура.

Мой рассказ был бы неполным, если бы я не упомянул еще одно увлечение Елены Игоревны. Впрочем, не увлечение, скорее – страсть! Речь идет об изготовлении ... кукол.

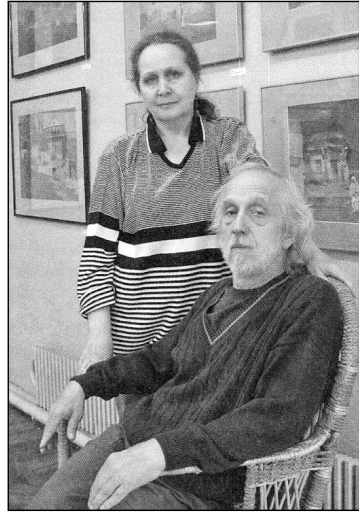
– Наверное, не доиграла в детстве. Если бы могла, занималась бы только куколками – говорит художница и открывает шкафчик, доверху забитый персонажами сказок. Куклы действительно бесподобны: каждая со своим характером, со своей изюминкой и в то же время все они отмечены одной неуловимой печатью. Печатью Мастера!

Я интересуюсь, как уживаются в одной семье два художника, две творческие натуры.

– В идеале – очень хорошо. Только надо иметь возможность работать в разных комнатах.

... А потом мы еще долго говорили с Еленой Игоревной о природе творчества, о «творческом мандраже» – состоянии, когда в подсо-

знании работа уже вызрела и настойчиво просится на холст у художника, на лист бумаги – у поэта. Об отрешенности многих творческих людей от мирских благ, когда к ним относятся лишь как к средству, необходимому для поддержания творческого процесса. Об ощущении самого творческого процесса как счастливого дара, позволяющего воспринимать бытие во всем его многообразии и глубине. О роли подлинных меценатов, поддержка которых в наше непростое время позволяет творить подлинным художникам...

Супруги Поповы

Фото их архива Е.И. Поповой

1999г.

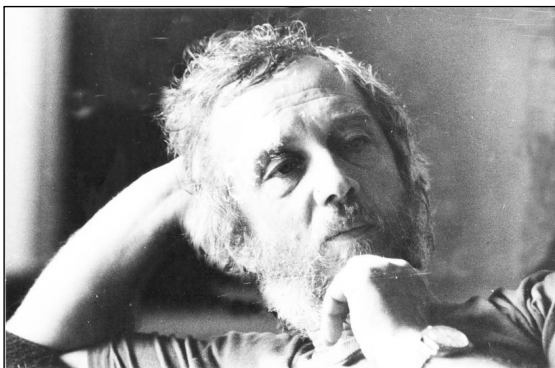

«Славянское очарование» работ художника Виталия Попова

Живет в нашем городе художник, который объездил с персональными выставками многие страны. Он широко известен в Италии, в Индии. Он участник областных, зональных, республиканских, всесоюзных и международных выставок.

Многие работы художника хранятся в музеях и частных коллекциях страны и за рубежом. Картина «Новодевичий монастырь» была преподнесена Папе Римскому Иоанну Павлу 11 от имени русской православной церкви

митрополитом Волоколамским и Юрьевским Питиримом.

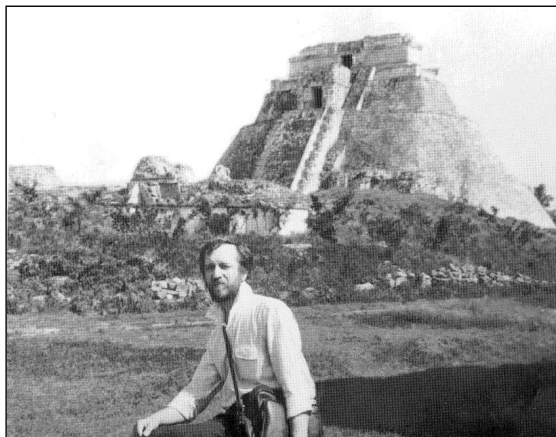
А мы, королевцы, о художнике ничего не знаем. Да и я познакомился с Виталием Борисовичем Поповым случайно.

Интерес к искусству пробудил у Виталия изобразительный кружок при ДOME пионеров города Мичуринска, который он начал посещать с 10 лет. Руководил им заслуженный работник культуры, опытный педагог Аркадий Васильевич Платицын. Он «виноват» в том, что Виталий вскоре стал принимать участие во всесоюзных выставках детского творчества. Свое художественное образование Виталий продолжил в Московском художественно-промышленном училище им. М.И.Калинина. Со второго курса он идет служить в армию, где не расстается с карандашом. Потом через Платицына знакомится с народным художником СССР Николаем Николаевичем Жуковым.

У Жукова Виталий, по его словам, «стал приемным сыном при живых родителях». Жуков оказал на начинающего художника большое влияние, помог ему обрести уверенность. Несмотря на большую разницу в возрасте, это знакомство переросло вскоре в крепкую дружбу. После возвращения с армейской службы Виталий оканчивает училище, участвует в республиканских, всесоюзных и зарубежных выставках. Оценив способности Виталия, Жуков считает, что ему нечего делать в институте, однако Виталий поступает в Строгановское училище.

В 1978 году его приглашают в популярный еженедельник «Неделя», где он шесть лет работает художественным редактором, а затем – три года главным художником в журнале «Студенческий меридиан».

Работу в «Неделе» Виталий считает настоящей школой жизни, ибо она дала ему возможность и общения с интересными людьми, и сотрудничества со многими центральными издательствами. Но собственно для творчества времени оставалось мало. В итоге Виталий оставил эту работу и стал заниматься любимым делом.

**Виталий Попов у пирамид.
Ушмаль. Мексика. 1983 г.**

С 1980 года во многих городах Италии (Риме, Флоренции, Вероне, Болонье и др.) проходят несколько больших персональных выставок художника, на которых, по отзывам, он по-своему раскрыл Россию для итальянцев.

– Это большое счастье, – говорит мне художник, – что я имею возможность каждый день делать то, что хочу!

Искусство помогает художнику передать другим людям свое мироощущение, философские раздумья о природе, о мироздании. От картин Попова веет какой-то теплотой, умиротворенностью,

застенчивой любовью к миру, если хотите – благостностью. Они включают в работу чувство и душу зрителя.

Я интересуюсь, как удалось Виталию в те еще годы попасть в Италию, как получилось, что именно на нем остановили итальянцы свой выбор. Оказывается, итальянцы часто приходили в мастерскую к Жукову, и тот наряду со своими работами показывал картины своего юного друга. Итальянцам они нравились, и Виталий просто дарил их. И вот в очередной раз итальянцы спросили художника, когда он к ним приедет, а вскоре прислали приглашение.

– Приезжаю, – рассказывает Виталий. – И мне дают приглашение на ... мою персональную выставку, составленную из подаренных картин. Это была моя первая персональная выставка. Мое восприятие природы совпало с восприятием итальянцев.

Одна из посетительниц выставки Анна Ф.Петоне писала: «Работы В.Б.Попова – это тонкий рассказ о встречах с природой, любовное свидетельство красоты лесов, рек, неба, цветов и берез родной земли. Перед нашими глазами проходят картины чарующей русской природы с ее несравненными красками. Если существует так называемое «славянское очарование», то именно Попов умеет воссоздать его с такой любовью. Его цветам, персонажам присущи утонченные живописные качества и изысканный лиризм...»

**На площади Санта-Джованни в паоло.
Венеция. Италия – 2005 г.**

Пришло время предоставить слово академику Станиславу Михайловичу Никирееву, который по праву считается одним из лучших рисовальщиков планеты. Он давно уже опекает Виталия Попова: художников роднит близость взглядов на мир. Никиреев неоднократно и подолгу ездил с Поповым в Индию, Кубу, Индонезию.

Вот его слова о Попове: «Быстрый, живой взгляд на натуру, умение отбросить ненужные детали, мастерское владение сложным письмом акварели и гуаши, ... тонкое чувство цвета и лирическое ощущение жизни способствовали созданию им многих художественных работ, которые имели своих зрителей на выставках и получили большую оценку».

А вот, что говорит С.М.Никиреев о Попове–человеке: «Его талант художника–живописца соседствует с необыкновенной щедростью, удивительной добротой к тем, кого он на редкость пронизательно распознает как порядочных, и спокойно, без гнева и злости, оставляет в стороне непонравившегося...»

В январе 1998 года в Государственной Третьяковской галерее прошла большая выставка «Индия – глазами советских художников». Это было значительное событие в культурной жизни страны. На выставке было представлено около трехсот работ известных художников современности. Экспозиция начиналась с произведений Виталия Попова. К этому времени художник уже побывал в десяти гималайских экспедициях.

Множество выставок, успех у зрителей не испортили этого скромного человека. Он и сейчас считает, что высшее достоинство человека – всегда быть самим собой.

В начале 70-х годов Народный художник СССР Н.Н.Жуков нарисовал портрет своего любимого ученика и подарил его родителям с подписью: «Счастливым родителям счастливого сына, свято любящего искусство и, как я надеюсь, вознагражденного в будущем радостью своего творчества». Н.Н.Жуков не ошибся!

На этом я и закончу очерк о Народном художнике России (это высокое звание присвоено В.Б.Попову в 2006 году – А.Л.), обладателе Серебряной медали Академии художеств, профессоре Московского государственного областного университета (кафедра живописи) Виталии Борисовиче Попове. Он живет в Королеве, в весьма скромной двухкомнатной квартире. Своей мастерской у него нет. Впрочем, его это не удивляет. Он удивлен тем, что такой город, как наш, до сих пор не имеет своей картинной галереи, хотя в городе проживают более тридцати членов Союза художников России.

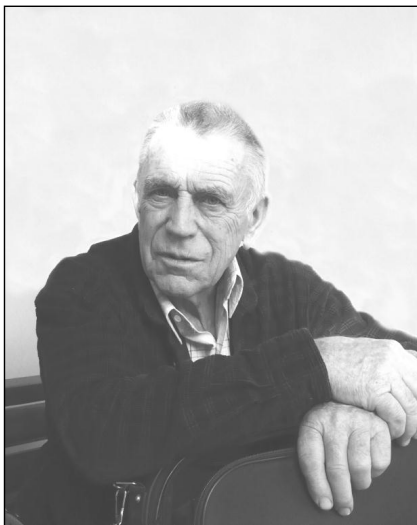
**Фото из архива В.Б. Попова
1999, 2010г.г.**

"Неслыханная дерзость" Дмитрия Моисеева

... Одной-то жизни маловато...
 Что толку в младости души,
 Когда поизносились латы,
 В кармане – жалкие гроши;
 Когда ты должен поневоле,
 Почти забыв о лучшей доле,
 О том, что можешь только ты,
 И растоптав свои мечты,
 Всю жизнь заботиться о крове
 И наводить кустарный мост
 Элементарнейших удобств.
 Но, впрочем, это все не внове,
 Поскольку жив как атавизм
 В нас «развитой социализм».

Не правда ли, что за прелесть эта «онегинская строфа», даже если она наполнена современным содержанием! Но ты, читатель, удивишься еще больше, если узнаешь, что приведенные строки – не просто маленькая цитата из отдельного стихотворения, а отрывок из весьма обширной автобиографической стихотворной поэмы «Детство, зрелость, юность», изданной пока тиражом в ... один экземпляр и занимающей 670 страниц машинописного текста.

Автор этой поэмы – мой новый знакомый Дмитрий Иванович Моисеев, житель деревни Бурково. Мы сидим в его кирпичном домике со всеми удобствами, возведенном собственными руками и пристроенном к старенькой деревянной хатке, и разговариваем «за жизнь» в окружении оригинальных деревянных скульптур. Даже необычный абажур под потолком – тоже деревянный и сделан руками моего собеседника. Многие его скульптуры заслуженно заняли места в музеях и на выставках.

Поэт, строитель, резчик по дереву. Но это еще не все, ибо... Впрочем, давайте по порядку.

Дмитрий родился в 1935 году в Ленинграде, в профессорской семье. Дед по материнской линии – известный металлург, профессор Михаил Григорьевич Окнов, бабушка – сестра Яна Поски, в свое время – правителя Эстонии, выпускница петербургских Бесстужевских курсов. Мать Дмитрия – геолог, и замуж вышла за геолога Ивана Моисеева. Так что и генная заправка у Дмитрия, и климат в семье открывали перед ним широкие творческие перспективы, возможность расти подлинно культурным человеком. Все смешала война.

Но вдруг все рухнуло однажды –
 Год сорок первый наступил,
 И тысячи моих сограждан
 Лишились жизни, крова, сил.
 То – Ленинградская блокада,
 Бомбежки, голод, канонада...

Навсегда запомнил Митя бомбежки города, лучи обшаривающих небо прожекторов, томительные ожидания в бомбоубежищах. Из взятого в кольцо блокады города семья эвакуировалась по Дороге жизни:

Гонец измученной Отчизны,
 Достиг наш поезд, наконец,
 Спасительной Дороги жизни,
 Как в угол загнанный беглец.
 Замерзшей Ладоги просторы;
 Урчат «полуторок» моторы;
 Другого нет уже пути –
 Придется ледяной пройти.

Семья прошла ледяной путь с потерями: убит дед, ранены осколками мать, отец и сестра. Спустя месяц блокадники оказались на Алтае. Здесь Митя и пошел в школу.

Я начал со второго класса,
Поскольку многое познал,
А возраст был уже не мал.
Хватало старого запаса,
Не тратить лишних чтоб часов
На освоение азов.

Первый свой юбилей, совпавший с победой над фашистами, Митя встретил на Алтае. Через год семья вернулась в Ленинград, а отец Мити получил назначение на Кольский полуостров. В Ленинграде, сорока двух лет отроду, ушла из жизни мать Мити. И когда отец получил новое назначение, он взял детей с собой сначала в Винницу, потом – в Москву.

В 1951 году семья поселилась в деревне Бурково. Отсюда Митя ездил в 1-ю мытищинскую школу, учась в 9-м и 10-м классе. Интересов его было не счесть: рисовал, писал стихи, посещал авиамодельный кружок, секции фигурного катания, спортивной гимнастики и кружок фотографии. В 1953 году под влиянием двоюродных братьев поступил в МЭИ на радиотехнический факультет. А спустя шесть лет молодой специалист распределился в НИИ измерительной техники, где в течение десяти лет проектировал специализированные вычислительные машины, предназначенные для обработки различной телеметрической информации. Бурное развитие вычислительной техники совпало с творческим ростом и Дмитрия Ивановича. В 1967 году он защищает диссертацию на степень кандидата технических наук. Он полон сил, стремится к созданию более совершенной аппаратуры и предлагает организовать группу перспективных разработок. Увы, начальство его не поняло, предпочтя жить по-старому. Но такая жизнь совсем не устраивала творчески настроенного Дмитрия Моисеева. И он уходит преподавать на кафедру «Вычислительная техника» факультета ФЭСТ Лесотехнического института. Здесь он проработал долгих двадцать лет, став доцентом.

Затем обстоятельства сложились так, что Моисеев вынужден был оставить кафедру и некоторое время жить на заработки по договорам. В 1989 году, на волне компьютеризации, Дмитрий Иванович принял решение уйти в систему среднего образования. Здесь он развернулся с присущей ему основательностью. До сих пор в королёвской школе №17 существует НУК (научно–учебный комплекс), который образован стараниями Дмитрия Моисеева и его супруги: первый в городе кабинет информатики был тогда оснащен простенькими компьютерами. Без преувеличения Дмитрия Моисеева можно назвать первопроходцем в деле компьютеризации школ города. Через некоторое время стало возможным создать компьютерные классы практически для всех школ. А вслед за этим был организован вычислительный центр в Учебно-методическом образовательном центре.

**Людевиг ван Бетховен
1974 г.
нарост берёзы**

В 2000 году Дмитрий Иванович ушел на пенсию и, по его словам, капитально занялся стихами.

Откуда мы? И почему – такие?
И долго ли могучая страна
В беспомощной пребудет летаргии?
Открывши стародавни письмена,
Удастся, может быть, понять Россию.
Ведь не единожды являл мессию
Мятущийся и беспощадный Свет;
Иной из них, возможно, спору нет,
Надеялся бесчисленны невзгоды
Преодолеть, переустроить мир
И отыскать чудесный эликсир
Для процветания любви, свободы...
Но где же долгожданный результат?
По-прежнему – жестокость и диктат.

Так начинается пролог к стихотворной эпопее Дмитрия Моисеева «Благословим труды Карамзина». Это – история Руси, воспетая сонетом, по замыслу – в шести частях, пересказывающих события двенадцатитомной «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина. Пока вышла из печати первая часть. Но сделан уже основательный задел (автор дошел в стихотворном пересказе до Куликовской битвы), и Дмитрий Моисеевич рассчитывает завершить свой труд в течение трех–четырёх лет.

«Я думаю, – пишет во вступительном слове к части первой известный литературовед Игорь Золотусский, – что попытка автора переложить на стихотворный язык главы из «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина удалась.

Несмотря на ее некоторую необычность, это не риск любителя, а труд профессионала. Дмитрий Иванович Моисеев равно хорош – и как компетентный историк, и как одаренный поэт. Ясный слог и свободная ориентация в историческом пространстве дают похвальный результат: творение Карамзина, приняв вид поэмы, делается прозрачней, возвышенней. И это не может не почувствовать благодарный читатель». Предисловие же к своему труду Дмитрий Моисеев заканчивает так: «Да простит читатель автора за неслыханную дерзость, но желание принести пользу подвигнуло его на этот нелегкий и непредсказуемый по своим последствиям труд».

А мне кажется — вполне предсказуемый. Например, нет никаких сомнений в том, что легкая поэтическая форма и современный язык делают труд Карамзина более привлекательным для современного читателя.

Есть такой тип людей: за что бы они ни брались — все им удается. Дмитрий Иванович Моисеев из их числа.

За последние пять лет Дмитрий Иванович написал ещё две части задуманной истории Руси, воспетой сонетом, и стихотворную биографию Н.М.Карамзина.

**"Маугли",
мозаичный стол.
Яблоня,
груша, вишня,
слива,
можжевельник,
берёза,
речной песок, лак**

**d-150 см,
h-78см**

1974 г.

**Мозаичное панно
стола,
вид сверху.**

Фото из архива Д.И. Моисеева

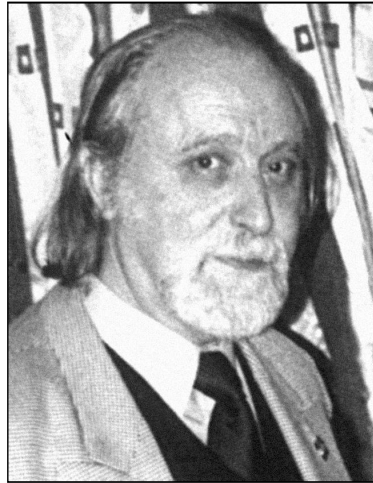
2005 -2010 гг.

Главный художник монетного двора

В апреле Московскому монетному двору (ММД) исполняется 65 лет. Он был создан в военном 1942 году для чеканки орденов и медалей, наравне со своим старшим братом – Ленинградским монетным двором (ЛМД). Позднее ММД чеканил разного рода юбилейные монеты, медали и знаки, в том числе и для Московской олимпиады 1980 года, а также серийные разменные монеты. Случай свел меня с Александром Анатольевичем Колодкиным – главным художником ММД с 1984 по 2000 год. На его счету около 150 реализованных проектов из более чем 200 разработанных им эскизов.

Александр Анатольевич любезно согласился рассказать о своих работах в стенах ММД.

Коротко о художнике

Он родился в Ленинграде в декабре 1938 года. Война застала его на западной границе, где нес военную службу отец. В 1941 году Саша покинул город вместе с матерью в последнем эшелоне. С тех пор и живет в Москве.

Учась в школе, активно посещал вечерний рисовальный класс. После окончания школы поступил в Московский полиграфический институт, который окончил в 1961 году по специально-

сти «инженер-технолог». В 1969 году получил вторую специальность – «дизайнер», закончив Московское высшее художественно-промышленное училище (МВХПУ, бывшее Строгановское).

Работал дизайнером, главным специалистом в КБ Минцветмета и ведущим специалистом в СКБ Минрадиопрома. Занимался дизайном промоборудования и спецтехники, работая над оптимальным сочетанием технологичности, эргономичности, стоимости и т.д.

Разрабатывал товарные знаки, оформлял площади Москвы. Волей случая узнал об открывшейся вакансии и поступил работать на ММД.

Его многочисленные произведения посвящены памятным событиям, выдающимся деятелям науки, культуры и искусства, городам, памятникам архитектуры.

А.А. Колодкин – автор «Монеты 1990 года» («Памятник Петру I» в серии «500-летие единого русского государства») и «Лучшей монеты мира» в 1995 году («Конференция глав союзных держав», номинация – «50-летие Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов»). К слову сказать, это – единственная монета с изображением И. В. Сталина.

Александр Анатольевич – автор многих памятных и наградных медалей, знаков, действительный член Московской академии наук о природе и обществе (МАНПО), член-корреспондент Российской академии естественных наук (РАЕН), Итальянской академии AIESS и Нью-йоркской академии NJAS, член Международной ассоциации союза дизайнеров, обладатель трех авторских свидетельств на изобретения, 10 авторских свидетельств на промышленные образцы и 15 – на товарные знаки. Его работы нахо-

дятся в музеях России, а также в США, Ватикане, Германии, Италии, Швеции, Японии и на Мальте и т. д.

А.А. Колодкин – лауреат премии «Золотой Геркулес», рыцарь Мальтийского ордена, заслуженный художник РФ.

Вольная беседа обо всем

Разумеется, коснулись мы в разговоре темы стимулов к творчеству. Александр Анатольевич отметил наличие моральных и социальных стимулов при работе на ММД.

– А материальные? Неужто при занятии любимой, общественно значимой работой материальные стимулы отсутствовали?

– Это у них, на Западе: сделал одну монету – купил автомашину. Сделал другую – оплатил полквартиры. У нас – не так! Например, лучшая монета 1990 года, посвященная Петру I, получила награды, призы...

– Ну и?

– Награды, призы получила монета, а не автор. Награды за эту монету получило совместное советско-западногерманское предприятие «Международная мизматика», а автор – скромное вознаграждение: премию немного выше... штамповщика. Та же ситуация – в 1995 году с моей монетой «Конференция глав союзных держав». Наградили монету.

Приз вручали в США. А я во время работы над монетой не во всем соглашался с новым директором монетного двора. Вот он – то и поехал в США за наградой, а вместо меня взял с собой ин-

женера из цеха. Мне же досталась премия на уровне начальника ОТК.

– Увы, мне кажется, что это в давнишней традиции на Руси – не ценить творцов... Вспоминаю горькие сетования скульптора Эрнста Неизвестного, уехавшего из СССР. Он говорил, что в Советском Союзе тратил 95% времени на получение заказов и лишь оставшиеся 5% – на работу скульптора, а в США эти показатели поменялись местами. Александр Анатольевич, а за кем последнее слово, кто выбирает из предложенных вариантов эскизов монет?

– Был сначала в Гознаке художественный совет, но со временем эти функции перешли к узкому кругу лиц в Центральном банке, короче, к чиновникам. Откуда им знать, например, что при переводе черно-белого рисунка в металл невозможно в инструменте и, соответственно, на монете получить на воспроизведенном портрете чер-

ное изображение зрачков глаз, губ, носа и т. п., так как пластические объемы лица бликуют, а четкость возникает только при рассмотрении монеты под определенным углом зрения. Это создает определенные трудности при сравнении готового изделия с эскизом и вызывает много вопросов у чиновников, утверждающих образец монеты. Вот лишь один из примеров.

К 100-летию «Леонардо XX века» А.Л. Чижевского Российская академия естественных наук порекомендовала Центробанку выпустить памятную монету.

Я срочно сделал несколько эскизов, но они ЦБ не устроили. Тогда совместно с художником В.И. Заславским мы выполнили около 20 эскизов. ЦБ отклонил и их, причем без каких-либо ре-

комендаций и пожеланий. Короче говоря, как в известной сказке: пойдй туда – не знаю куда, принеси то, не знаю что.

Время шло, срок выпуска монеты приближался. И однажды меня пригласил «на разборку» заместитель генерального директора Гознака. Я объяснил ему положение вещей, рассказал об А. А. Чижевском – большом ученом, поэте, музыканте, художнике. Упомянул и о том, что в середине 1940-х годов он был несправедливо осужден и вкусил участь зэка на лесоповале.

Начальник подумал и говорит: «Вот это всё и изобразите на монете. Утром жду эскиз, поеду его утверждать в ЦБ».

Я изобразил портрет А.А. Чижевского на фоне неба с летящим космическим телом, звезд в виде созвездия Водолея (под этим знаком родился ученый), солнечного диска (о громадном влиянии которого на людей и историю человечества говорил ученый) и зимней тайги (намек на лесоповал). Возле огромной сосны в шапке-ушанке с топором в правой руке изображен заключенный на лесоповале. Под портретом подпись – «Чижевский. 1897-1964». Еще ниже – лира, лист бумаги, а на нем – кисть и ручка с пером.

Этот эскиз я передал утром в Гознак, а после обеда мне оттуда сообщили, что эскиз утвержден. Работа пошла.

По утвержденному эскизу скульптор А.С. Хазов сделал лепку, и монету запустили в производство. Изготовили образец, который передали на рассмотрение в Гознак. Через некоторое время из Главка приходит чиновник с письмом о замечаниях к образцу, в котором, в частности, написано, что на монете у изображенного человека одна рука длиннее другой.

Я объяснил представителю Главка, что в правой руке у человека – топор, поэтому она кажется длиннее. Чиновник очень удивился: откуда топор? Я опять объяснил: человек на заготовке леса.

– Какого леса?

– Человек на лесоповале, он – заключенный!

– А какое отношение он имеет к Чижевскому?

– Самое прямое: ученый несколько лет был в заключении.

– ?! Топор надо убрать!

– Я не могу это сделать. Эскиз утвержден, и к этому изображению причастен заместитель генерального директора Гознака. Разбирайтесь с ним. Это – его идея.

– ?!

– В конце концов, в результате всех выяснений топор всё же пришлось убрать. И остался на монете одиноко стоящий человек без топора. К чему он там? Какой в этом смысл?

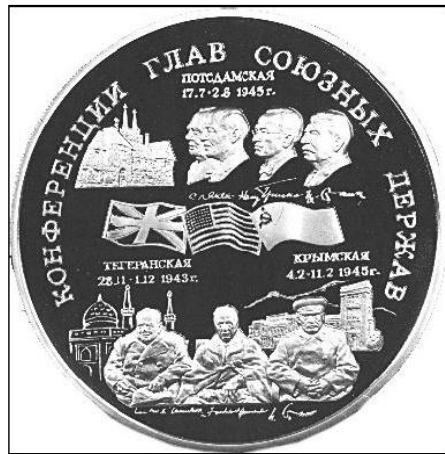
Кстати, это, вероятно, единственная монета с изображением жертвы сталинских репрессий.

– А заказы, связанные с международными событиями и государственными деятелями, выполнять приходилось?

– И немало! Например, по заказу американского бизнесмена на тему дружбы США и России. Я изобразил на одной стороне двух медведей, а над другой – рукопожатие на фоне флагов США и России. В сентябре 1987 года эту медаль вручил госсекретарю США Джорджу Шульцу министр иностранных дел СССР Эдуард Шеварднадзе.

Вторая медаль с таким же рукопожатием на одной стороне и Белым Домом и Кремлем – с другой была выполнена по случаю соглашения СССР и США о сокращении ракет средней дальности, подписанного Михаилом Горбачевым и Рональдом Рейганом.

Еще одну VIP-медаль вручил Борис Ельцин королеве Великобритании Елизавете во время ее визита в Россию. Портрет Елизаветы на одной стороне медали выполнил английский художник Михаэль Ризелло, а вторая сторона – моя работа.

С Ельциным связана еще одна моя работа – медаль для Бориса Николаевича. На ней изображен его портрет. А саму медаль держал в лапах хрустальный медведь.

Для программы «850 лет Москвы» я сделал целую серию медалей, посвященных царям и императорам России и многие другие.

В заключение хочется пожелать Александру Анатольевичу дальнейших творческих успехов, востребованности, неиссякаемой фантазии и энергии.

Фото из архива А.А. Колодкина
2007 г.

Династия врачей Любимовых

Много уникальных людей живет в Подмоскowie. Например, в городе Королёве я познакомился с Евгенией Климовской (Любимовой), председателем Комиссии по здравоохранению Комитета ветеранов этого города. От нее-то я и узнал об удивительной династии врачей Любимовых, насчитывающей двенадцать врачей с общим медицинским стажем... 355 лет!

История семьи

В семье известно, что прадед Евгении Павловны был лекарем при церкви. Однако всякие расспросы о нем отец и мать Жени не приветствовали из-за гонений на религию в стране победившего атеизма. О деде известно значительно больше. В 1923 году молодой врач из Хабаровска Василий Павлович Любимов был направлен на работу в Якутию для создания системы здравоохранения. В Якутске он начал работу с открытия первого в республике противотуберкулезного диспансера, где был и главврачом, и директором.

Из трех детей Василия Павловича двое стали врачами. Судьбе было угодно, чтобы Якутия стала местом работы многих представителей династии врачей Любимовых. Молодые медики начинали трудиться в районных больницах и со временем,

благодаря своим знаниям, трудолюбию, ответственности достигли на медицинском поприще больших успехов. Работы было невпроворот: туберкулез, трахома и малярия являлись бедой здешних мест.

Павел Васильевич Любимов (отец моей собеседницы) после заведования районной больницей работал санитарным врачом Горздравотдела в Якутске, врачом помощи на дому, заместителем заведующего Горздравотделом, заведующим хирургическим отделением республиканской больницы и потом – ее главврачом. По существу, он стал основателем всей современной системы здравоохранения в Якутии, сумел это сделать благодаря своему богатому опыту врача, чувству ответственности и организаторским

способностям. Бессменным министром здравоохранения Якутии П. Любимов был 18 лет. Недавно в Якутске на XV Съезде медицинских работников Республики Саха (Якутия) торжественно отметили столетие со дня рождения Павла Васильевича.

Супруга Любимова, Мария Исаевна, тоже имела непосредственное отношение к медицине. Педиатр, заслуженный врач РСФСР и ЯАССР, отличник здравоохранения СССР, она лечила детей в яслях, женских консультациях, на дому, приезжая к ним на велосипеде или лошадях. По ее инициативе и при активном участии в 1940 году открыли детскую соматическую больницу, которую она же и возглавила. Детским врачом Мария Исаевна проработала 44 года.

Супруги Любимовы счастливо прожили вместе более полувека. Их сын Герман и две дочери – Евгения и Ольга – тоже стали врачами. По врачебной стезе пошли и дети Германа и Евгении.

Это была красивая, старомодная, в хорошем смысле слова, семья.

«В том, что сегодня я врач, – говорит дочь Евгения Павловны Наташа, – заслуга всей большой династии и, конечно же, милой мамочки. Люблю свою профессию и горжусь ею так же, как 20 лет назад!»

«Милая мамочка» Евгения Павловна

После окончания Хабаровского мединститута в 1959 году Евгения Павловна начала свою врачебную работу ординатором в терапевтическом отделении больницы г. Якутска. Палат интенсивной терапии и реанимации там еще не было, и всех тяжелых больных везли в терапию. Кроме того, ночью приходилось еще дежурить в инфекционном отделении. Это были трудные, напряженные, но очень интересные годы: шло активное накопление и усвоение бесценного опыта.

– Часто консультации приходилось получать от родителей, – вспоминает Евгения Павловна. – Как-то ночью привезли ребенка с подозрением на дифтерию. Я его посмотрела, поставила диагноз – фолликулярная ангина – и отправила домой. А потом позвонила своей маме: оказалось, я не взяла мазок и так легкомысленно отправила ребенка домой. Кое-как дождалась утра, отпросилась у заведующего отделением и побежала домой к этому малышу. Хорошо, что всё обошлось благополучно: ребенок поправился, но это было уроком на всю жизнь.

Первым наставником молодого врача был заведующий терапевтическим отделением И. Старков – очень грамотный специалист. В Якутске тогда только начинали внедрять ЭКГ. И благодаря наставнику Евгения Павловна быстро овладела методом электрофункциональной диагностики. Спустя четыре года, в 1963-м, она перешла работать в Якутский государственный институт на кафедру терапии медицинского факультета, где читала лекции и вела научную работу с названием «Течение инфаркта миокарда в условиях Севера». По этой же теме написала диссертацию. Однако красноречивые выводы, сделанные в работе (у переезжающих работать в северные широты взрослых людей чаще, чем у других, наблюдались ранний атеросклероз и инфаркт), не укладывались в существующую тогда идеологию, и защита не состоялась...

В 1972 году Евгения Павловна вернулась к практической медицине в организованной амбулатории Института мерзлотоведения

Сибирского отделения АН СССР. Спустя три года амбулатория стала расширяться, а позднее переехала в созданный научный центр, где на первом этаже разместилась поликлиника на 250 посещений в смену, а на втором – стационар на 140 коек (терапевтических, кардиологических, гинекологических и неврологических).

Коллектив центра насчитывал 252 человека, из них – 50 врачей. Евгения Павловна работала в этом центре администратором и кардиологом. Центр стал ее детищем, ему она отдавала всю себя – свой опыт, свою энергию, свою душу, здоровье...

Шли годы. Становилось ясно, что выводы, сделанные Евгенией Павловной в незащищенной диссертации, к сожалению, имеют отношение и к ней самой: начались проблемы с сердцем, и в 1995 году она переехала в Королёв.

Как только позволило здоровье, Евгения Павловна активно включилась в работу, став директором дома отдыха «Лось» (Медведково), а позднее – директором гостиницы «Арбат» (с 1996 до 2003 года). С 2003 года Евгения Павловна – председатель комиссии по здравоохранению Городского комитета ветеранов города Королёва, и в этом качестве ее знают многие жители города.

Хочу закончить рассказ мыслью о том, какую же великую роль в становлении человека играет семья, ее духовный и нравственный климат, который не заменит никакая школа, как бы ее ни реформировали. И как жаль, что понимание этой простой истины постепенно уходит из нашей суетной жизни.

**Фото из архива Е.П. Климовской
2008 г.**

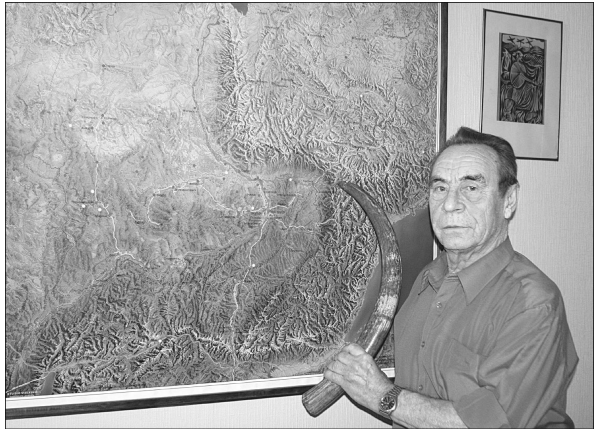

Жизнь, посвященная «Сибирскому сфинксу»

Почти 25% суши Северного полушария нашей планеты, около 70% территории России и практически всю площадь Республики Саха (Якутия) занимают многолетние мерзлые породы – «вечная мерзлота», которую называют еще «Сибирским сфинксом».

Этот природный феномен изучает молодая наука мерзлотоведение (геокриология), сформировавшаяся в самостоятельную отрасль знания в 30-е годы прошлого столетия.

Первым начальником Якутской научно-исследовательской мерзлотной станции

И.В. Климовский у карты Якутии

(ЯНИМС), преобразованной в 1956 году в северо-восточное отделение Института мерзлотоведения им. В.А. Обручева АН СССР, а затем, в 1960 году в Институт мерзлотоведения Сибирского отделения (СО) АН СССР, являлся академик П.И. Мельников. На ЯНИМС в 1958 году после окончания географического факультета МГУ был распределен и мой собеседник – житель нашего города Игорь Владимирович

Климовский, ставший активным участником научных трудов и многочисленных экспедиций, практическими результатами подтвердивших слова академика П.И. Мельникова:

«Без всестороннего выяснения закономерностей строения и динамики «ледяного сфинкса» планеты невозможно успешное и экологически безопасное использование богатейших природных ресурсов нашей страны».

Игорь Владимирович стоит у карты Якутии, закрепленной на стене его кабинета. Карта испещрена многочисленными разноцветными точками, обозначающими места, где он побывал с экспедициями. Каждая точка – это своя история, свои приключения, свои открытия, например, знаменитых якутских алмазов и многих других полезных ископаемых. Сколько же он исходил, сколько изъездил...

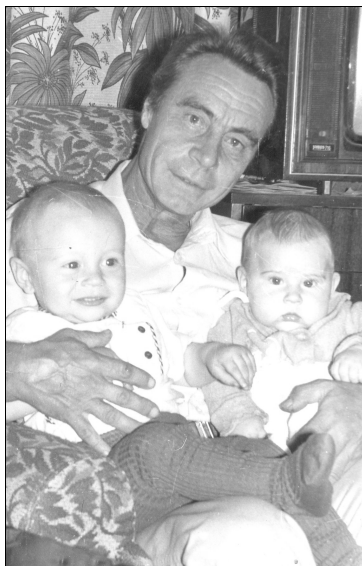
Игорь Владимирович Климовский родился в 1934 году в Якутске, там же в 1953 году окончил среднюю школу и приехал в Москву поступать на геологический факультет МГУ. Желание стать геологом пришло к нему в школьные годы вместе с интересом к суровой, но своеобразной природе Якутии. Однако же о вечной мерзлоте как специальности не думал, хотя впечатление от нее получил летом 1952 года. Работая вожатым в пионерском лагере, он с группой ребят побывал с экскурсией на ЯНИМС, где в сопровождении мерзлотоведа спустился на глубину 12 метров и почувствовал леденящее дыхание «Сибирского сфинкса». Впечатление это было столь ярким, что при поступлении в университет, когда выяснилось, что прием на геологический факультет уже закончен, Игорь без колебаний подал документы на географический факультет. Там он успешно прошел

1957 г. Неожиданный трофей – щенки песца в Заполярной тундре

собеседование как медалист и к тому же единственный абитуриент из Якутии.

Этот выбор определил всю его дальнейшую жизнь: теперь, с высоты своих 74-х лет, заслуженный деятель народного хозяйства Якутии, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник Института мерзлотоведения им. П.И. Мельникова Сибирского отделения РАН Игорь Владимирович Климовский не сомневается, что поступил правильно. Начав работать на ЯНИМС, молодой географ волей providения «прилип к мерзлоте» в самом высоком смысле, став со временем одним из немногих специалистов в области геокриологии. На его творческом счету более ста научных работ, он соавтор шести монографий и двух специальных карт Забайкалья, Верхоянья, части Западной Якутии и зоны БАМа. Многие годы И. В. Климовский руководил работой лаборатории и отдела общей геокриологии Института мерзлотоведения СО РАН, был организатором, научным руководителем и участником многих экспедиций не только в Якутии, но и за ее пределами. Более 25 лет Климовский преподавал в Якутском государственном университете на биолого-географическом и геологическом факультетах, где читал курс лекций «Общее мерзлотоведение». В 1995 году указом первого президента Республики Саха (Якутия) И. В. Климовскому присвоено почетное звание заслуженного работника народного хозяйства республики. Это один из редких случаев, когда сотрудники научного учреждения, тем более академического, получали звание не заслуженного деятеля науки, а работника народного хозяйства. Тем самым руководство республики оценило весомый вклад Климовского в развитие производительных сил региона.

1986 г.

В семейном кругу

был организатором, научным руководителем и участником многих экспедиций не только в Якутии, но и за ее пределами. Более 25 лет Климовский преподавал в Якутском государственном университете на биолого-географическом и геологическом факультетах, где читал курс лекций «Общее мерзлотоведение». В 1995 году указом первого президента Республики Саха (Якутия) И. В. Климовскому присвоено почетное звание заслуженного работника народного хозяйства республики. Это один из редких случаев, когда сотрудники научного учреждения, тем более академического, получали звание не заслуженного деятеля науки, а работника народного хозяйства. Тем самым руководство республики оценило весомый вклад Климовского в развитие производительных сил региона.

А в 2001 году Географическое общество вручило ему еще одну редкую награду – диплом «За выдающиеся научные работы в области

географии».

Таков краткий послужной список геолога, географа и мерзлотоведа Игоря Владимировича Климовского, отметившего в этом году 50-летие своей разносторонней научно-практической деятельности.

– С геологической точки зрения, – увлеченно рассказывает мне Игорь Владимирович, – мерзлые горные породы – это особая субстанция, так как присутствующий в них лед

Всемирно известный мамонтёнок Дима, извлеченный из зоны вечной мерзлоты в 1977 г.

является составной частью и резко меняет их физико-механические, теплофизические и другие характеристики, что очень важно знать при решении инженерных и технологических задач. Этот момент очень важен при проектировании, строительстве и эксплуатации сооружений, возведенных на вечной мерзлоте. Наибольшая мощность толщи мерзлых пород – 1300 метров (на северо-западе Якутии), а температура горных мерзлых пород достигает минус 12-13°C.

Основными вехами в работе И.В. Климовского с 1958 по 2002 год стали: зимовка на высокогорной научной станции «Сунтар – Хаята» (район «полюса холода» – поселка Оймякона), исследования по программе 2-го Международного геофизического года; полевые исследования в низовьях реки Лены; исследования в алмазоносных районах Западной Якутии; изучение мерзлотных условий крупнейшего в мире месторождения медных руд в Забайкалье; участие и руководство полевыми отрядами и экспедициями на трассе БАМ по Западному, Центральному и Якутскому участкам; изучение природных комплексов острова Котельного, принадлежащего архипелагу Новосибирских островов в арктическом бассейне моря Лаптевых; знаменитая Ботуобинская экспедиция по разведке алмазных месторождений.

Игорь Владимирович тонул в бурных водах горной реки, проваливался в трещину на леднике, попадал в снежную метель и

густой туман. Не раз своими руками геологи выталкивали гусеничный вездеход из болот.

«С середины 1960-х годов и до конца 1970-х, – вспоминает Игорь Владимирович, – региональная геокриология переживала звездный период. Нас не гнали в поле, оно само нас звало с наступлениями первых погожих и солнечных весенних дней. Мы все болели приятной ностальгией по горам, наледям, ледникам».

Климовский гордится своей причастностью к тем стройкам нашей страны, которые она осуществляла в течение четырех десятилетий, и где ему довелось трудиться. Он вспоминает, что ставил свою подпись в актах государственных комиссий, давших «добро» на сооружение Нерюнгринской ГРЭС и города Нерюнгри, ставшего жемчужиной в горной тайге Южной Якутии, на

строительство участков трассы Амуро-Якутской магистрали, БАМа и Удоканского горно-обогатительного комбината. Он говорит о чувстве особого удовлетворения, которое испытывает оттого, что к жителям Центральной Якутии по

трассе первого в мире газопровода, проложенного в условиях вечной мерзлоты, пришло «голубое топливо».

– А душа всё еще рвется в поле! – говорит Игорь Владимирович с молодым, неувядаемым задором.

С 2003 года Игорь Владимирович – житель г. Королёва, но каждый год летом посещает родной Якутск и навещает своих коллег.

**Фото из архива И.В. Климовского
2008 г.**

2009 г. На порогах Карелии

Ровесник города, продолжатель инженерной династии Подгорских

Родоначальник династии

В олей случая у меня в руках оказалась одна реликвия, своеобразная «машина времени», позволяющая вернуться в прошлое. Это выпуск газеты «Калининец» от 15 мая 1941 года – орган парткома, завкома и дирекции Государственного ордена Ленина завода им. М. И. Калинина. На первой полосе – список сотрудников этого завода, которым присуждены различные награды: ордена Ленина и «Знак почета», медали «За трудовую доблесть».

Эту газету бережно хранит Борис Николаевич Подгорский – житель нашего города, который трепетно относится к памяти об отце – Николае Ивановиче Подгорском, чье имя также значится в списках награжденных.

Николай Иванович родился 18 мая 1902 года в Черниговской губернии в крестьянской семье, в которой было восемь детей. Жизнь одного из них унесла Первая мировая война, еще двое вместе с отцом умерли от тифа в 1919 году. Из оставшихся пятерых братьев и сестер один лишь Николай получил высшее образование. Сначала он

окончил рабфак, а затем – Киевский политехнический институт

по специальности «Механизатор сельского хозяйства». Чтобы иметь возможность учиться в институте, Николай работал летом в Крымском винодельческом совхозе. И после окончания института он трудился в этом совхозе главным инженером до тех пор, пока не был призван на военную службу в артиллерийские войска. В 1930 году его откомандировали на артиллерийский завод №8 в поселок Калининский. Позднее сюда переехала вся семья Николая Ивановича, а в 1938 году у него родился сын Борис – ровесник города Калининграда – Королёва. Николай Иванович с головой окунулся в работу. Технология изготовления орудийных стволов была одной из самых трудоемких и длительных операций, поскольку кованую заготовку ствола нужно было не просто просверлить по всей ее длине, но и обеспечить при этом жесткий допуск на отклонение оси. Талантливый изобретатель, Николай Иванович предложил революционную идею: вместо цельных кованых заготовок для стволов изготавливать их методом центробежной отливки с центральным отверстием. Такой метод производства обеспечивал экономию во всём: меньше металла шло в стружку, так как заготовка была полый, меньше времени тратилось на сверление ствола и, соответственно, не так быстро изнашивался инструмент.

Будучи автором этой идеи, Николай Иванович попробовал себя на заводе и как конструктор опытных установок для центробежного литья, и как непосредственный их изготовитель–производственник, и как литейщик. На заводе №8 перед войной с Германией было выпущено более десятка таких установок, что позволило поставить на поток изготовление орудийных стволов разного диаметра, в том числе для крупнокалиберных пушек.

В 1940 году Николай Иванович Подгорский за изобретение установок центробежной отливки орудийных стволов получил Сталинскую премию II степени. А в 1941 году Николай Иванович был награжден орденом Трудового Красного Знамени за внедрение этого метода. Важность этой разработки была столь велика, что, когда грянула война, Николая Ивановича не призвали в действующую армию, хотя он по всем параметрам подлежал мобилизации. Вместе с частью завода №8 он эвакуировался в Воткинск, где успешно запускал свои установки для центробежного литья, работая заместителем начальника цеха. Мой собеседник

Борис Николаевич вспоминает, что отца в то время он видел лишь урывками, когда приносил к проходной завода обеды в судках. После возвращения из Воткинска в 1945 году Николай Иванович работал начальником лаборатории механических испытаний в Центральной заводской лаборатории завода №88, возникшего в 1942 году на месте эвакуированного завода №8. Затем, когда на базе завода было создано НИИ 88, он стал организатором и руководителем лаборатории механических испытаний материалов (металлов и неметаллов) в отделе «М». Это был немногочисленный дружный коллектив. Здесь успешно трудился и набирался опыта будущий заместитель директора ЦНИИМВ Г. Г. Конради. Согласно постановлению правительства НИИ-88 был создан для развития отечественного ракетостроения, и лаборатория Н. И. Подгорского осваивала новое направление. В отличие от артиллерийских орудий, где от металла требовалась длительная работоспособность, в ракетной технике речь шла о весьма высоких, но кратковременных нагрузках. Нужно было создавать новые методики испытаний металлов, новые приборы и приспособления. Непочатый край для изобретательства! И способности Николая Ивановича реализовались в полной мере. Тяжелая работа во время войны сказалась на здоровье Николая Ивановича, и в 1956 году он вынужден был уйти на пенсию по инвалидности. До самой его смерти в 1967 году сотрудники лаборатории ежегодно навещали Николая Ивановича в день его рождения.

Так уж сложилась судьба, что Николаю Ивановичу суждено было стать родоначальником подлинной трудовой династии. И потому я просто не могу не сказать несколько слов о его супруге, Раисе Львовне Подгорской. Она окончила знаменитый Казанский университет. В 1946 году с группой советских специалистов была командирована в Германию для изучения немецкого ракетостроения. Это было столь важно для страны, что она – мать троих детей – оставила их на попечение мужа. Раиса Львовна перенимала в Германии опыт по производству специальных лаков и красок, а после возвращения организовала в НИИ-88 соответствующую лабораторию. Она была разносторонним и увлекающимся человеком. Достаточно сказать, что в возрасте 55 лет Раиса Львовна научилась играть на фортепиано! В заключение мне осталось назвать остальных членов трудовой династии:

– дети Николая Ивановича и Раисы Львовны: Таиса Николаевна Королёва и Борис Николаевич Подгорский (ветеран, проработавший 50 лет в области материаловедения и физики металлов, заслуженный испытатель ракетной техники, награжденный медалями), муж Таисы Николаевны – А. Г. Королёв и жена Бориса Николаевича – Д. С. Подгорская;

– внуки Николая Ивановича и Раисы Львовны: О. А. Шемшетдинова и ее муж С. И. Шемшетдинов, А. Б. Подгорский и его жена Г. М. Павленко. Их общий трудовой стаж на градообразующих предприятиях г. Королёва превышает два века!

**«Легче назвать материалы,
которые не прошли через ваши руки...»**

Несколько месяцев назад, в день своего 70-летия, Борис Николаевич Подгорский получил приветственный адрес от коллектива Центра сертификации «Композит-Тест». В нем написано самое главное: «За Вашими плечами большая, интересная работа и жизнь. Трудностей и испытаний Вам выпало немало, но Вы всегда оставались верны своему городу, продолжали дело своих родителей, были и остаетесь примером для молодых поколений. Вы олицетворяете любовь к жизни, веселый взгляд, несмотря на кажущиеся непреодолимыми трудности, и, как «ротный простой запевала», идете с песней по жизни».

Родился Борис Николаевич 1 мая 1938 года в рабочем поселке Калининский (с декабря 1938 г. – г. Калининград), так что получается, что он старше города всего на полгода. До 1941 года семья – отец, мать и две старшие сестры – жили в доме на проезде Ударника. С конца 1941 года и по октябрь 1945-го семья была в эвакуации в г. Воткинске, куда отца направили вместе с работниками артиллерийского завода № 8. Там же Борис пошел в школу, учился по удмуртскому букварю. Сестры выступали перед ранеными в госпитале, а поскольку маленького братика оставить было не на кого, они брали его с собой. В госпитале активного Борю ставили на табурет, и он старательно декламировал детские стихи с далеко не безупречной дикцией. В результате и без того лежачие больные лежали еще и от хохота.

Когда семья вернулась из эвакуации, Боря продолжил учебу в школе № 1. В классах было по 40 – 45 человек, за некоторыми партами сидели по трое, а учились не в две, а в три смены. В третью смену заниматься не хотелось, и сорванцы нашли просто гениальный выход. Перед началом урока ребята активно жевали промокашки, затем закладывали их в патроны электролампочек. Через некоторое время промокашки высыхали, дефицитные лампочки одна за другой «сами» гасли во время урока, и учитель распускал счастливых учеников по домам.

А еще из поры своего детства Подгорский с большой теплотой вспоминает многочисленные кружки. Сам он пел в хоре А. Н. Чмырёва, постигал азы авиамоделирования, много времени проводил летом в Пирогово, на базе ДОСААФ. Времена были в материальном плане далеко не благо-

получные, а мороженого очень хотелось, так что на билетах от Мытищ до Пирогово экономили. Ходил тогда в Пирогово паровозик с несколькими вагонами, причем значительную часть пути из-за многочисленных поворотов он ехал медленно. Спасение для безбилетников было именно в этом: когда появлялся контролер, прыгали на ходу с поезда и садились в задние вагоны. Если же контролеры застигали «зайцев» в заднем вагоне, удавалось иногда перебежать вновь вперед.

Но чаще ходили в Пирогово пешком: что такое для молодых ног прогулка чуть больше часа? Тем более что впереди маячит шляпка и «роскошный» обед: огурчик и... размоченный в пироговской воде батон (чтобы не всухомятку).

Запомнились Борису летние лагеря: при школе, в Алёшино, в Загорске.

После окончания десятилетки Подгорский попытался поступить в Бауманский институт, но не прошел по конкурсу. Видимо, провидению было угодно, чтобы он стал специалистом – материаловедом. В октябре 1955 года он поступил на работу в НИИ-88 в

лабораторию металлов и сплавов, где с первых дней ему поручили заниматься новым тогда материалом – титаном. Борис получал этот фондированный металл и «опекал» его в течение всего технологического цикла изготовления деталей, вплоть до окончания работ – определения конструкционной прочности и сдачи обрешков. И тогда уже начальник группы часто говорил руководителю Бориса: «Бросай всё и занимайся только «семеркой» (ракета Р-7 для запуска искусственного спутника Земли – А. Л.).

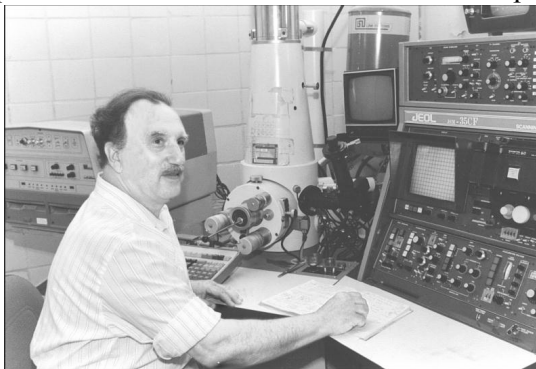
– Так что и я приложил свою руку к «семерке»! – не без законной гордости говорит мне Борис Николаевич. О процессе освоения титана и его уникальных свойствах Борис Николаевич может увлеченно рассказывать часами.

Волей судеб в его распоряжение поступил для освоения первый в НИИ-88 электронный микроскоп. Вот с ним, как с песней по жизни, он, вплоть до 2004 года, плодотворно работал в области физики металлов. Попутно Борис Николаевич учился во Всесоюзном заочном политехническом институте и окончил его в 1965 году.

Тема, которой занимался Борис Николаевич, была тогда весьма актуальной. Надо отметить, что при увеличении в 20-30 тысяч раз металловеды впервые увидели структуру металла. Так что неудивительно, что о дипломной работе Бориса Подгорского рецензент отозвался так: работа студента-заочника может быть разбита на три (!) дипломных работы студентов-очников. Это был весьма успешный старт будущего специалиста – материаловеда, и дело шло к кандидатской диссертации. Но жизненные обстоятельства не позволили это сделать. Тем не менее, знания и умения накапливались, а новая техника позволяла заняться тонкими исследованиями металлических сплавов, композиционных материалов, материалов авиационной и электронной техники. Как справедливо говорят Борису Николаевичу его коллеги: «Вообще, легче назвать материалы, которые не прошли через ваши руки, чем те материалы, с которыми они не работали». Начиная с 1960-х годов, трудно представить себе отчеты, диссертации, экспертные исследования в области металловедения, в которых не отражались бы результаты электронного рентгеноспектрального микроанализа (РСМА). А дело всё в том, что этот анализ позволял увидеть распределение элементов по зерну металла, в свар-

ных и паяных швах, изучить процессы диффузии при получении композиционных материалов (биметаллических и многослойных), определить причину разрушения детали и многое другое.

И вот вслед за электронным микроскопом Борис Николаевич освоил сначала рентгеновский микроанализатор, а затем – растворный микроскоп. В результате он стал одним из немногих специалистов страны, которые владели методами РСМА. К Подгорскому как эксперту постоянно обращались из многих организаций, в том числе и работающих в других областях техники. И вполне закономерно, что Борис Николаевич получил много наград за свои трудовые пятилетки, его фотография висела на Доске почета города, что он имеет более десяти авторских свидетельств, много рацпредложений, выступлений на конференциях, публикации в специальных журналах, ему присвоено звание Заслуженного испытателя ракетной техники.

***Б. Н. Подгорский
на своем рабочем месте***

тельств, много рацпредложений, выступлений на конференциях, публикации в специальных журналах, ему присвоено звание Заслуженного испытателя ракетной техники.

***Фото из архива Б.Н. Подгорского
2008 г.***

Город стал его судьбой

Так уж получилось, что с тридцатых годов прошлого века мы жили с ним в одном городе, а познакомились только теперь благодаря случаю. Узнав о нем от историка города Р.Д. Позамантир как о старожиле (да еще в год юбилея города!), я сразу договорился с Ильёй Михайловичем Костюковским о встрече.

Цель нашей встречи была определена сразу же: Илья Михайлович, приехавший в наш город в годы создания знаменитой трудкоммуны, мобилизованный в годы войны, а затем прошедший путь вместе с бывшим авиационным заводом № 455 в Костино (до недавнего времени – ГНПЦ «Звезда-Стрела»), хочет рассказать молодым о жизни, стержень которой – целеустремленность и творческое отношение к порученному делу.

О его жизни нельзя сказать, что внешне она примечательна яркими событиями. Есть люди самодостаточные, которые сознают, как и что именно они умеют делать. Именно таким я воспринял Илью Михайловича.

Он родился в 1926 году в г. Пирятине Полтавской области. В 1930 году его отец, бухгалтер высокой квалификации, был командирован в г. Костино (теперь – г. Королёв) главным бухгалтером инженерно-строительного отдела (ИСО) НКВД для строительства трудкоммуны, которая уже в 1937 году была ликвидирована. Этот переезд отца, сначала без семьи, связал Илью Кос-

тыюковского с нашим городом с 1932 года на всю жизнь, город стал его судьбой.

Учиться Илья начал в костинской средней школе № 2, и летом 1941-го, перед началом войны, закончил 7-й класс. И хотя после разгрома коммуны отец поступил заместителем главного бухгалтера на фабрику спортивного инвентаря, построенную коммунарами (делали коньки, майки), а мать – счетным работником, их заработков на семью не хватало. Отца вскоре откомандировали с завода в Подмосковский угольный бассейн, где он в 1943 году в возрасте 52 лет умер. И мать, чтобы иметь рабочую карточку, пошла трудиться в цех на станок.

На завод поступил работать и Илья. К этому времени он узнал, что в Пирятине немцы закопали живьем 1000 евреев, в том числе и его родственников. Ему предлагали пойти работать в цех, чтобы иметь бронь. Илья отказался. И был мобилизован по призыву из СКО (серийно–конструкторского отдела) завода № 455, где работал чертежником. Для него это было хорошей школой, ибо руководили отделом грамотные, толковые выпускники МАИ и специалисты из Ленинграда. Предприятие работало в это время над бомбовыми подвесками.

В октябре 1943 года в трудовой книжке Ильи Костюковского появилась запись «Уволен в РККА»: 17-летний паренек ушел в армию. Служил связистом в полку 50-й армии Московского военного округа ПВО, а после войны был направлен учиться в Первое московское Краснознаменное ордена Ленина авиационное училище связи. Не без гордости показал мне Илья Михайлович свидетельство об его окончании в 1947 году. Оно на редкость однообразно: против каждого из 16-ти сданных предметов стоит одна и та же оценка – «пять».

– Мне всегда говорила мама, – вспоминает Илья Михайлович, – ты, сынок, должен быть Человеком и учиться только на «5». Или не быть!

И девиз своей мамы Илья выполнял всегда. Из всех предметов самым сложным была для него... физкультура. И чтобы сдать ее на «5», Илья занимался физкультурой по... ночам! Другого времени не было.

Итак, 1947 год, Илья как отличник получает не только отпуск, но и возможность выбора места прохождения дальнейшей

службы. Выбрал аэродром в Щербинке. Это была авиационно-ремонтная база, куда доставляли самолеты со всего СССР и где после их ремонта испытывали в воздухе. В этом обязательно принимали участие летчик-испытатель и технический состав, в том числе Костюковский.

Со Щербинкой у Ильи Михайловича связано одно драматическое приключение. Рукастому и головастому парню всегда и везде хотелось сделать лучше. Так вот, на американских «дугласах» стояли радиовысотомеры, которые при расстоянии до земли 25 футов подавали сигнал сажать машину на полосу. А полосу при этом иногда проскакивали. Илья Костюковский предложил доработать прибор на вдвое меньшую высоту. Так и сделали. А в это время в часть приехал командующий дальней авиацией Московского военного округа Василий Сталин, другом которого был командир дивизии. Узнав о новшестве, Василий посадил с собой в самолет командира дивизии и Илью Костюковского. Взлетели, пошли на посадку. Сирена высотометра... не срабатывает!

– Какого хрена не срабатывает? – кричит сын Сталина. Самолет вновь набирает высоту, а «виновник торжества» лихорадочно ищет причину. И находит! Банальный обрыв провода, которые в те годы были по качеству куда хуже нынешних. Словом, при втором заходе на посадку и сирена сработала, и посадочной полосы хватило. А Василий Сталин тут же премировал Илью червонцем. Тогда это была заметная сумма.

В Щербинке Илья Михайлович прослужил еще два года на сверхсрочной службе: настойчиво уговаривали добросовестного, знающего, творческого специалиста, замены которому тогда еще не было. Здесь же заочно закончил он и среднюю школу и в 1953 году демобилизовался. Но так уж, видно, на роду было написано

у Ильи Михайловича – учиться и работать, работать и учиться. Причем и то, и другое делать с полной отдачей.

С 1953 по 1957 год он работал в Москве в НИИ «Геофизика». Перепробовал всё, что мог: старший контрольный мастер, монтажник, отладчик радиотехнического оборудования 7-го разряда... Без отрыва от производства окончил Московский металлургический техникум по специальности «Автоматика и телемеханика металлургической промышленности».

Не знаю, как воспримет читатель, но у меня такое ощущение, что всё это нужно было провидению, чтобы накопленный багаж был отдан авиационному заводу № 455, с которого, как помнит читатель, началась трудовая жизнь 16-летнего паренька.

Вернулся он туда монтажником 7-го разряда при производстве и сборке ракет класса «воздух-воздух», «земля-воздух», «воздух-земля» и других.

Для отработки изделий требовались комплекты различных источников питания. Так вот, пульт питания всех изделий делался Костюковским совместно с технологом Ю. Дорожкиным. Позднее пульт стал изготавливаться и на продажу.

Шли годы, завод получал заказы на всё более совершенную технику, а подразделение Костюковского занималось проверкой изделий при помощи контрольной аппаратуры. Потребовались имитаторы движущихся целей. И такой имитатор изобрели Илья Михайлович Костюковский вместе с начальником техбюро сборочного цеха Львом Ароновичем Сивориновским. Этот имитатор применялся и на других, родственных предприятиях.

Илья Михайлович очень просил назвать здесь имя начальника сборочного цеха Юрия Александровича Уварова, который своим отноше-

нием к делу активно способствовал инициативе мастеров цеха, их стремлению постоянно улучшать работу с новой техникой.

– Я всегда прислушивался к его советам, – вспоминает он с теплотой, – когда разрабатывал новые схемы по проверке ракет различной модификации и изготавливал их в металле.

Юрий Александрович значительно старше меня, и мы с ним с удовольствием общаемся.

Не стану перечислять всё сделанное Костюковским на родном заводе. Расскажу лишь об одном интересном эпизоде. Сергей Павлович Королёв одно время хотел присоединить авиационный завод к своему предприятию. И однажды сборочный цех посетил сам «СП», как тогда звали этого сверхсекретного человека. В цех его привел директор М.П. Аржаков. У «СП» было множество вопросов, подробно отвечать на которые М.П. Аржаков попросил Костюковского. Очень быстро почувствовав, что Илья Михайлович досконально знает свое дело, С. П. Королёв подошел к Костюковскому, обнял и долго-долго, ходя по цеху, подробно расспрашивал, пока не получил исчерпывающие ответы на все вопросы.

На вопрос, что же столько лет удерживало Илью Михайловича на одном предприятии, он отвечает: прекрасный коллектив, грамотные профессионалы и тематика продукции, которая для нас, детей войны, имела особый смысл. Мы испытывали гордость за нашу работу.

Р. S. На заводе нынешней ракетно-космической корпорации в разное время работал и кроме Ильи Михайловича его отец, мать, жена и сын. Династия Костюковских отработала на заводе более века.

**Фото из архива И.М. Костюковского
2007 г.**

Часть вторая

От нас ушедшие

**Не говори с тоской: их нет,
Но с благодарностью: были.**

В.А. Жуковский

**Его жизненная философия:
«Что не горение – то тлен»**

1929 – 2001

*Хочется дать ребятам такой
запас радости, чтобы его
хватило им на всю жизнь.*

Борис Толочков

«Дорогой Борис Александрович!

... В музыке и педагогике Вы для меня – Джонатан-Чайка, эталон музыканта и педагога, моя музыкальная совесть. Я благодарна судьбе, что в моей жизни встретился такой учитель и человек. Вы так многому научили меня.

В нашем городе, а может быть и в Подмоскowie, Вы и Ваши хоры – самое значительное и настоящее! Вы так много даёте людям! Наша студия – это, прежде всего, Толочков.

Как бы ни уязвляли чинуши и мещане от искусства Вашу гордость и человеческое достоинство, как бы ни обижали, я думаю, музыка, дети, люди для Вас всё равно гораздо важнее!

«Короли бренны, а искусство – вечно!» – сказал Андерсен.

С уважением, Ваша вечная ученица Е. Лебедева».

Это письмо-прозрение написано в далёком 1981 году рано ушедшей из жизни преподавательницей по классу фортепиано в хоровой школе «Подлипки», за год до её смерти. Письмо дошло до адресата лишь 16 лет спустя, в 1997 году, уже в период устой-

чивого восхождения детища Бориса Толочкова к мировому Олимпу, когда многолетний самоотверженный труд заслуженного деятеля искусств России стал приносить высокие и почётные награды.

Из воспоминаний Елены Любимовой, в которой Б.А. Толочков угадал будущего хормейстера и пригласил заниматься с детьми (воспоминания о времени, когда Борис Александрович пошёл в школу №1 простым учителем музыки):

«Из нас, самых заводных, которые могли сорвать любое занятие, он создал ансамбль. И был удивительно терпелив. Он открыл нам красивую музыку! Артистом он был потрясающим, и завораживал нас своим исполнением так, что мы не отпускали его, просили разучить с нами песни про дружбу и любовь. Он сумел сделать нам из детства праздник!»

Вспоминает ученица и преемница Б.А. Толочкова Инна Яковлева: *«Его, профессионала высочайшего уровня, вошедшего в тройку лучших хормейстеров мира, неоднократно приглашали в Москву руководить профессиональными коллективами (в частности, в знаменитый ансамбль песни и танца им. Локтева – А.Л.), но всегда слышали от Бориса Александровича один и тот же ответ: «Я не променяю хоровую школу «Подлипки» ни на какую Москву. Я нужен здесь».*

Это были не пустые слова. Вот что сказала воспитанница Толочкова Светлана Вострикова, проработавшая музыкальным руководителем в детском саду более двух десятилетий: *«Мои школьные годы я бы назвала тусклыми, если бы не хоровая школа «Подлипки» и Борис Александрович Толочков. Он был для всех нас любящим отцом, учителем, воспитателем, человеком, а Людмила Александровна (его жена. – А.Л.) была и остаётся нашей хоровой мамой... Нам тогда казалось, что всё так и должно быть, у всех – так. И только много лет спустя понимаешь, как нам повезло в жизни, какие мы счастливые, что нам встретился такой человек – светлый, жизнерадостный, добропорядочный, интеллигентный, человек высокой духовной культуры, талантливый музыкант, прекрасный, интересный собеседник и рассказчик».*

Ей вторит воспитанница Толочкова Елена Серебрякова: *«Что не горение, то тлен. Мне кажется, это было его жизненной философией. Это стало и моей жизненной философией и*

многих из нас. Потому что он был учителем – в самом высоком понимании этого слова. Многие из нас позже выбрали эту профессию, поняли, каким должен быть учитель, захотели им стать. Он во многом определил нашу жизнь, показав шкалу истинных человеческих ценностей. Главное место в ней заняли такие слова, как совесть, добро, достоинство, самоотверженность, бескорыстие. С такой «шкалой» жить трудно, но иначе мы уже не могли».

Врач по профессии, солистка Академического хора хоровой студии «Подлипки» Ольга Костюкевич: *«Он учил нас не просто хорошему мастерству, а любви к музыке, чувству прекрасного, доброте. Невозможно передать словами, какой свет всегда исходил от него. Его улыбка заставляла забыть все проблемы, житейские невзгоды. Какими бы уставшими, замученными мы не были, после работы шли на репетицию, а если точнее – на встречу с Мэстро. У нас говорили, что самое главное – «доползти» до хора, а там тебя быстро приведут в чувство и поставят на ноги. Эта энергия, этот свет навсегда останется в нас, а мы передадим его своим детям. Далеко не каждый из нас связал свою жизнь с музыкой, но каждому он осветил и помог найти свой жизненный путь, потому что истинная дорога всегда пролегает через Доброту и Любовь».*

Вехи биографии

Борис Александрович Толочков родился 7 июля 1929 года в городе Энгельсе Саратовской области. По его словам, родительский дом считался зажиточным: почти всегда были хлеб, соль, а к чаю подавали мелко наколотые кусочки сахара. По одному кусочку, а если потянешься за вторым, то встретишь осуждающий взгляд старших, а о третьем – нечего было даже и мечтать. Но по воскресеньям в чашку чая можно было добавить столовую ложку козьего молока, а по праздникам – две. Щи варили даже с мясом.

Как мальчишка военных лет, Борис видел и горе, и счастливые глаза матерей, когда сыновья возвращались живыми, видел счастье в глазах бойцов, вернувшихся с победой.

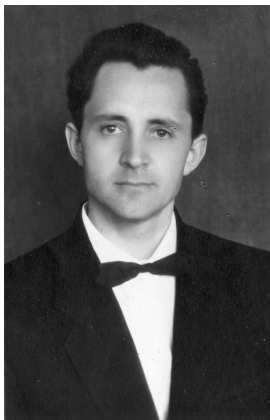
В доме всегда были гитара и гармонь, а отец и мать, когда собирались гости, исполняли старинные русские песни и роман-

сы. Так что ничего удивительного нет в том, что Борис уже с четырёх лет начал играть на народных инструментах, а к восьми годам без нот, на слух, подбирал мелодии вальсов, фокстротов, танго на гармошке.

В школе до пятого класса он учился отлично, после шестого, когда грянула Великая Отечественная война, пришлось работать. К 16-ти годам он стал мастером 6-го разряда по пошиву мужской обуви и тогда же понял, что его призвание – музыка.

После окончания Саратовской вечерней школы рабочей молодёжи Борис поступил на дирижёрско-хоровое отделение Саратовского музыкального училища. По окончании двух курсов был призван на военную службу в город Измаил, где с 1951 по 1954 год руководил ансамблем песни и пляски пограничной воинской части.

По воспоминаниям сослуживца Б.А. Толочкова и его близкого товарища Игоря Парфёнова, работал он самозабвенно и всегда добивался того, что хотел. Всё это он делал без нажима и раздражения, проявляя удивительный такт. *«Меня поразило, – пишет Парфёнов, – его лицо, очень выразительное, с большими, глубокими, умными глазами. На лице – печать таланта... Он не терял времени попусту, а жил любимым искусством».* После службы в армии Толочков заканчивает учёбу в Саратовском училище и летом 1958 года предлагает себя в качестве хормейстера Д.С. Александровичу – художественному руководителю ансамбля песни и пляски Северного морского флота, который летом гастролировал по маршруту Москва – Астрахань, в том числе и в Саратове. В августе того же года Б.А. Толочков уезжает в Североморск и становится хормейстером ансамбля, а в сентябре к нему приезжает его молодая жена Людмила Александровна.

«Для нас, — вспоминает Людмила Александровна, – это было счастливое время: мы были молоды, полны сил и надежд на будущее. Там у нас в 1959 году родился первенец – сын Александр. Под окна больницы счастливый отец пришёл в сопровождении

всего ансамбля. Начался импровизированный концерт. Мне больших трудов стоило уговорить их уgomониться».

Борис Александрович не ограничивался работой хормейстера. Он сочинял музыку к стихам. Песни «Как пришёл моряк со службы», «Лейся песня флотская», «На страже Заполярья» и другие включались в программы концертов, а песня «Заполярные вечера» стала как бы гимном Северного флота. До сих пор она звучит в качестве заставки на мурманском радио.

Заслуженный артист Литовской ССР Михаил Новиков, бывший солист ансамбля Северного морского флота, писал о Б.А. Толочкове: *«Он был прост в общении, очень интересен как человек образованный, широко эрудированный. Его интеллигентность и богатство души остались в воспоминаниях на всю жизнь. Я счастлив, что на моём жизненном и творческом путях встретился такой человек».*

Отправляясь в Североморск, Борис Александрович хотел в течение двух лет проверить свои способности хормейстера, убедиться, что может руководить профессиональным коллективом. И через два года пришла пора поступать в консерваторию, чтобы совершенствоваться в своей профессии. В 1960 году семья Толочковых вернулась в Саратов. В Саратовской консерватории Б.А. Толочков учился с 1960 по 1964 год. Учёба давалась ему легко, и консерваторию он закончил за четыре года вместо пяти. Прекрасных педагогов Борис Александрович вспоминает всю жизнь с благодарностью.

Судьбе было угодно, чтобы после шестилетней работы в Шатуре, где Толочков руководил детским хором мальчиков и мужским хором, и приглашения от М.А. Новикова в ансамбль Балтийского флота (город Калининград), Борис Александрович оказывается в другом Калининграде (ныне город Королёв) и 1 сентября 1970 года начинает работать в нашем городе, став продол-

жателем традиций А.Н. Чмырёва и С.И. Сахарова. В то время директором ДК им. Калинина был А.А. Коликов, который всячески поддерживал и хоровую студию, и академический хор. Здесь Толочков проработает вплоть до внезапного и безвременного ухода из жизни, которую всецело посвятил созданию хоровой школы «Подлипки», по праву носящей с 2002 года его славное имя.

**От проблеска «Росинки», сверканья «Капельки»,
журчаний «Родничка» и «Ручейка»,
звучанья «Кандидатского хора» — к грянувшим
«Потоку» и Академическому хору «Подлипки»**

Борис Александрович сумел зажечь и увлечь любовью к хоровому искусству каждого, с кем приходилось ему сталкиваться в работе. Впрочем, не сталкиваться, а творить вместе с хором клуба завода им. М.И. Калинина, а потом – дворца культуры, которым с 1949 года и вплоть до ухода из жизни в 1970 году руководил С.И. Сахаров. На Всемирном фестивале молодёжи и студентов в

Москве (1957 год) хор стал лауреатом, а спустя семь лет получил звание «Народный Академический хор». Одновременно Б.А. Толочков стал руководить детской хоровой студией «Подлипки», образованной в 1964 году хормейстером Аделиной Григорян. Одержимость Толочкова, его безошибочное чутьё

репертуара, тонкое чувство педагога, умеющего работать с любым контингентом, – всё это в конце концов убедило даже скептиков: пришёл достойный преемник!

Крупный дирижёр и педагог Борис Александрович создал ряд хоров, связанных между собой возрастной преемственностью – от дошкольного возраста до взрослого профессионального хора. Так появились «Росинка» (до 6 лет), «Капелька» (7 лет), «Родничок» (8–9 лет), «Ручеёк» (9–10 лет), «Кандидатский хор» (кандидаты в концертный хор, 10–12 лет), концертный хор «Поток» (12–17 лет), Академический хор «Подлипки» (наиболее способные выпускники школы).

Коллегами-единомышленниками Толочкова стали педагоги хоровой студии Е.А. Любимова, Л.К. Горбатенко, А.Б. Нефедьева, И.А. Яковлева.

В 1996 году создание ряда хоров по принципу преемственности окончательно воплотилось при образовании муниципальной хоровой школы «Подлипки», которая, наконец, обрела свой настоящий дом в помещении бывшего клуба завода им. М.И. Калинина. Нынешний художественный руководитель и дирижёр Академического хора «Подлипки» и главный хормейстер муниципальной хоровой школы «Подлипки» И.А. Яковлева вспоминает: *«С приходом Бориса Александровича в летописи истории Академического хора были написаны новые славные страницы. Началась активная концертная деятельность коллектива. Это были концерты в Москве и области, гастрольные поездки по республикам Советского Союза. Именно Борис Александрович Толочков при поддержке администрации города впервые вывез Академический хор с концертной программой за рубеж – сначала в 1990 году в Болгарию, затем в 1991 году в Польшу и в 1992 году в Германию».*

В 1986 году детская хоровая студия «Подлипки» стала лауреатом премии комсомола Подмосковья. А спустя два года, в 1988 году, Б.А. Толочкову за большой вклад в развитие культуры было присвоено почётное звание «Заслуженный деятель искусств РСФСР». Самоотверженная работа Бориса Александровича стала приносить свои плоды. Как только (в 1991 году) открылась возможность выезда за рубеж, о хорах хоровой школы «Подлипки» узнают в странах Европы, в США и Японии. На всех международных конкурсах хористы Б.А. Толочкова демонстрируют высокую певческую культуру, не только прославляя родной Калининград-Королёв, но и достойно представляя Россию.

За 10 лет (с 1991 по 2001 год) на Международных конкурсах и фестивалях под руководством Толочкова были завоеваны бронзовые, серебряные и золотые награды. В 1999 году в Барселоне (Испания) хористы Академического хора завоевали золото, а Борис Толочков получил золотую медаль и международную премию как лучший дирижёр конкурса.

***Б.А. Толочков в центре коллектива
Академического хора Подлипки***

К этому времени в репертуаре хоров хоровой школы звучали не только детские, пионерские, народные песни, но и сложнейшие многоголосые сочинения композиторов-классиков. Без преувеличения можно сказать, что город Королёв стал городом высокой певческой культуры, хоровая школа «Подлипки» обрела ауру «страны Мажории». И многие родители перестали задавать себе вопрос, куда отдавать своих детей для дополнительного музыкального, да и общечеловеческого воспитания.

Председатель музыкального общества Московской области, директор института музыки МГУКИ, заслуженный деятель искусств, профессор В.И. Закутский в марте 2008 года, в частности, вспоминал о Борисе Александровиче Толочкове: «...Он появился в городе Королёве в хоровой студии, в Академическом хоре, как бы специально, чтобы восстановить и развить хоровое искусство, заложенное его замечательными предшественниками А.И.

Чмырёвым и А.И. Сахаровым. Тридцатилетний толочковский хоровой период – это звёздный час не только хорового мастера, но и звёздный хоровой час звёздного, в полном смысле слова, города Королёва. Как человек творческий, он заразил страстной любовью к хоровой музыке тысячи мальчишек и девчонок, а также приобрёл многочисленных поклонников этого жанра. И это главная его миссия. За каждым успехом на фестивалях, конкурсах, смотрах и просто концертах невероятный, напряжённый труд, помноженный на талант музыканта: к примеру, 25 лет хоровой коллектив «Подлипки» был постоянным участником абонемента из цикла «Детское хоровое искусство» в Концертном зале им П.И. Чайковского Московской Государственной филармонии. Руководимый Толочковым хоровой коллектив всегда отличался высоким исполнительским вкусом, индивидуальностью концертных программ, особой художественной интерпретацией музыкальных произведений – вот слагаемые успеха. И это его творческое кредо...»

Школа не только пения — школа жизни

Хоровая школа, по мысли Б.А. Толочкова, была не только местом творческого процесса, связанного с пением. Его стараниями каждая поездка использовалась для познавательных экскурсий, знакомства с историей и памятниками искусства везде, где это только было возможно. При этом дети должны были быть сытыми, отдохнувшими, выспавшимися. Эту часть брала на себя Людмила Александровна – жена Бориса Александровича, «хоровая мама» – так называли её хористы, «первая скрипка» хора «Подлипки» – как называл её сам Маэстро. Её роль в том, чтобы хористы ни в чём не испытывали неудобств, трудно переоценить! А ещё предметом забот Толочкова был отдых детей летом. Каждый год в августе ребята «Потока» отдыхали вместе. «Поющие голоса» – так назывался пионерский отряд хоровой студии. Ребята не просто отдыхали, но и готовили новые программы. Детей принимали пионерские лагеря «Восход» (под Сергиевым Посадом), любимый «Вымпел» (под Клином). С 1980 года «Поющие голоса» зазвучали в лагере «Восток» (около Туапсе). В 1984 и 1989 годах вместе с пензенскими школьниками участники хоро-

вого коллектива «Подлипки» отдыхали в пионерлагере «Чайка». Так что неудивительно, что учащиеся хоровой школы чувствовали себя одной семьёй!

**1980 г. пионер лагерь «Восток»
Б.А. Толочков и отряд «Поющие голоса»**

А вот отрывки из письма Л.К. Горбатенко – хормейстера хоровой школы «Подлипки», которое она прислала из США, куда временно выехала на работу. Письмо датировано 17 ноября 2007 года: *«Вот уже два года, как я нахожусь вдалеке от Родины, и меня часто посещают воспоминания моей жизни дома в России. Моя работа, моя хоровая школа, мой хор, мои ученики... Как много для меня всё это значит, как много говорит, и как близко сердцу моему. Особое место в моих воспоминаниях занимает Борис Александрович Толочков. Ему я обязана очень многим. Помню первое впечатление от его появления в хоровой школе. Все дети, которые пели в хоре и видели частую смену руководителей, были единодушны в своём высказывании: «С появлением Бориса Александровича стало так здорово. Так интересно». Детей трудно обмануть, они всё тонко чувствуют. И первая моя встреча с ним в коридоре на бегу. Но его рукопожатие передало силу этого*

человека, уверенность в себе. И я поняла, что за этим человеком вся наша хоровая школа будет как «за каменной стеной»...

Любовь к музыке, работе, желание научить детей слушать и любить музыку – это давало ему силы и заряжало энергией всех, кто его окружал... Он счастлив с хором, с музыкой, с детьми (сложными и простыми, одарёнными и не очень). Толочков мог достичь чего-то другого, вероятно, большего, лучшего, но было ли ему хорошо так, как на концертах хоровой школы, где он видел результат своих усилий. Дети, которых он научил петь и слушать музыку, слаженность голосов, исполняющие сложнейшие партии хоры, вдохновлённая работа воспитанных под его руководством хормейстеров – это ли не счастье?!»

Выстраданное счастье — добавим мы, вспоминая маленькую исповедь Бориса Александровича, где за восемь лет до образования хоровой школы он, в частности, сказал: «Все три десятка лет нашего существования мы – единственный хор в России, который осуществил мечту многих организаторов и хормейстеров, мечту о передаче хоровых традиций от детей к взрослым – никогда не имели собственного класса».

Фото из архива Л.А. Толочковой

2009 г.

**«И душа опять жива,
только в доброе одета»**

1916 - 2007

Наш земляк, русский поэт и писатель, член Союза писателей России Алексей Петрович Галкин родился 21 февраля 1916 года в деревне Сабурово Щелковского района Московской области. Природа родного Подмосковья, уклад крестьянской семьи, пронизанный душевной теплотой и добротой, еще в детстве пробудили у него желание писать стихи. Но путь к поэзии был непрост.

С шестнадцати лет он начал трудиться. Это было в Подлипках, на артиллерийском заводе № 8, в далеком 1932 году. С началом войны Алексей Петрович ушел добровольцем на фронт и вплоть до тяжелого ранения был на передовой. Возвратившись в Подлипки инвалидом Великой Отечественной войны, он работал в военной приемке при ЦАКБ (Центральное артиллерийское конструкторское бюро), где главным конструктором был В.Г. Грабин. Позднее Алексей Петрович в качестве заместителя главного конструктора ОКБ-10 Е. В. Чарнко принимал активное участие в отработке первого в мире подводного ракетного старта. Последний этап трудовой жизни Галкина прошел в ОКБ-1 (ныне – РКК «Энергия») у главного конструктора С. П. Королёва.

Алексею Петровичу везло на хороших людей. Он стоял у истоков образования в Подлипках литературного объединения (теперь – имени А.С. Новикова-Прибоя) и ездил в Москву к Алексею Силычу, чтобы пригласить его возглавить кабинет рабочего автора – прообраз литературного объединения.

Дружба с профессором Сергеем Николаевичем Дурылиным, в болшевском доме которого он был частым гостем, знакомство с ведущими актерами Малого театра, часто навещавшими Дурылина, учеба в Литинституте имени А.М. Горького (который он окончил в 1953 году) с будущими известными поэтами – всё это составило его вторую, творческую биографию.

В центральных изданиях А.П. Галкин начал печататься с 1941 года.

Перу Алексея Петровича Галкина при надлежат многочисленные книги стихов: «Солнечный ветер» (1979 г.), «Долг» (1994 г.), «Годы непогоды» (1995 г.), «Полет в бессмертие» (1996 г.), «Рассветы-закаты» (1997 г.), «Сквозь годы непокая и любви» (1998 г.), «Вехи» (1999 г.), «Осенние листья» (2000 г.), «Сонеты жизни» (2001 г.), «Трагедия доверия» (2001 г.), «Зарницы» (2002 г.), «Избранное» (2003 г.), «Раздумья» (2003 г.), «Лирика» (2004 г.), «Память» (2004 г.), «Воспоминания» (2005 г.), «Лирика» (2005 г.). Его стихи реалистически точны, образны, мудры и отличаются простотой языка. Они – о жизни во всех ее проявлениях, о дыхании леса и трав, о прошедшей

войне, в них раздумья неравнодушного человека о судьбах страны.

В автобиографической книге прозы «Память сердца» (1993 г.) отражены воспоминания детства и юности автора, события войны и послевоенного периода вплоть до 70-х годов прошлого века, встречи с интереснейшими людьми, описаны жизнь Подмосковья, труд людей, их заботы и переживания.

Алексей Петрович – автор семи пьес, одна из которых («Вспоминая СП») посвящена Сергею Павловичу Королёву и была поставлена в ДК им. Калинина Народным театром. Остальные шесть пьес – «Совесьть земная», «Сорняки», «Сколько стоит халатность», «Волчица», «Сердце нужно беречь», «Незаменимых нет» – ждут своих режиссеров.

Предлагаю вниманию читателей подборку стихов Алексея Петровича.

* * *

Мне слово «враг» давно известно,
 Суть смысловая не нова,
 Но лишь в войну, признаюсь честно,
 Оно приобрело права.
 Когда услышал вместо слова
 Я завывание свинца,
 Увидел матерей без крова
 И труп ребенка у крыльца,
 Тогда в бою, со смертью рядом,
 С неодолимой жаждой жить,
 Я научился сам, как надо
 И ненавидеть, и любить.

1942 г.

Фитилек

Фронт. Оборона. И землянка...
 Прошло с тех пор немало лет.
 А фитилек, горящий в банке,
 Мне шлет еще свой слабый свет.
 Сравнить с чем-либо невозможно
 Жилой землянки огонек.

Как охранялся осторожно
 Его недолгой жизни срок!
 Перекликался он незримо
 С домашней сельской теплотой,
 С глазами женщины любимой,
 С надеждой негасимой той,
 Которая росла и грела.
 И в каждом будущем бою
 Он нес уверенную веру
 В победу правую мою.

1942 г.

* * *

И когда, кто скажет, это случилось?
 Только явно, все века подряд,
 Почему-то молодость и старость
 На наречьях разных говорят.
 Очевидно, тут не распри семя
 Прорастает в жизненный уклад.
 Очевидно, молодость и время
 Не умеют двигаться назад.

1980 г.

Летний дождь

Он не спросясь пошел и баста,
 Дождь – непослушный сибарит.
 Я слышу, как по крыше часто
 Худыми ножками стучит.
 Потом случать стал реже, реже,
 И вскоре вовсе перестал.
 Я сразу понял, что изнежен,
 Что быстро выдохся, устал.
 И сквозь небесные оконца,
 За несколько минут всего,
 Горячими руками солнце
 Подтерло шалости его.

Шквальный ветер в душу влез,
 С ним якшаться мало толку.
 Я ушел в дремучий лес,
 К звездам лег лицом, под елку.
 С умыслом себя лишил
 Постороннего вниманья.
 Как отраднo здесь в тиши
 Слушать звездное молчанье.
 Там отгадка всех причин,
 Там и альфа, и омега.
 И растаял тут же сплин,
 Как покров весенний снега.
 И природа ожила,
 Зацвела весенним цветом.
 И душа опять жива,
 Только в доброе одета.

* * *

Ее давно я ждал и жду –
 Сокровище мое.
 И клевету или вражду
 Гнал в мыслях от нее.
 Вел ожиданиям долгим счет
 И помышлял о том:
 Вот неожиданно придет
 В мой сиротливый дом.
 И вдруг, – скажу вам без вранья,
 Явилась, как скандал:
 – Вот я! Людская правда я!
 Меня ты жадно ждал?
 И если правду любишь ты
 И ты – защитник мой,
 И от вражды, и клеветы
 Скорей меня укрой.

* * *

Прочитав эту публикацию, приуроченную к 90-летию Алексея Петровича Галкина, я понял, что просто не могу, нет, обязан рассказать читателям об удивительной доброжелательности, являвшейся, без сомнения, одной из главных свойств натуры этого скромного человека с большой буквы. Чтобы не быть голословным, расскажу о нашем знакомстве с Алексеем Петровичем. И хотя я узнал его близко, когда ему было уже за 80 лет, годы общения с ним, быстро переросшего в дружбу (несмотря на 20-летнюю разницу в возрасте), стали одним из ярких впечатлений и счастливым приобретением в моей жизни.

Итак, в 1996 году, когда я вышел на пенсию по возрасту, занялся журналистикой и моя фамилия стала часто встречаться в местной прессе, в моей квартире однажды раздался телефонный звонок. Незнакомый, старческий голос весьма осторожно и робко спросил, не сын ли я Льва Абрамовича Локтева. Узнав, что «да», звонивший вмиг преобразился, представился Алексеем Петровичем Галкиным и пригласил меня в гости, ибо работал с моим отцом на артиллерийском заводе №8 аж с ...1934 года.

Разумеется, буквально через несколько дней я был уже в скромной квартире Алексея Петровича. Он начал с воспоминаний о моем отце, которого весьма высоко ценил и с которым прошел бок о бок по жизни многие довоенные и послевоенные годы. Я так благодарен Алексею Петровичу за эти воспоминания! Именно они побудили меня написать об отце очерк «Конструктор зенитных автоматов».

Мы быстро сошлись по-человечески, хотя поначалу не все наши оценки настоящего и прошлого совпадали: извечная «проблема отцов и детей». Наши встречи как-то сами собой стали достаточно частыми и быстро переросли в дискуссии, в разговоры по душам. Общение с Алексеем Петровичем притягивало меня невольными уроками толерантности, подлинного интереса к другой точке зрения, примерами его завидного умения не просто СЛУШАТЬ оппонента, а СЛЫШАТЬ его. Что и говорить, резуль-

татом наших бесед стало взаимное сближение точек зрения, переросшее во взаимопонимание и дружбу.

В один из моих визитов я набрался храбрости настолько, что принес с собой большую стопку своих стихотворений – практически все, что многие годы «писалось в стол». Именно в стол, потому что «без руки» печататься в советское время не мог даже член Союза писателей СССР, а «руки» у меня не было. Алексей Петрович, сам испытавший на себе подобную «инвалидность», попросил меня оставить ему для просмотра все принесенные стихи. Через некоторое время он сообщил мне, что стихи посмотрел, и пригласил к себе. Надо ли говорить, что я не заставил себя долго ждать?!

С трепетом я увидел, что на столе у Алексея Петровича лежала не одна, а две стопки моих стихов. Одна – отвергнутая им, вторая – одобренная. И каждое стихотворение стало предметом внимательнейшего прочтения и заинтересованного критического разбора. Я не побоюсь сказать: разбор моих «опусов» стал подлинной поэтической школой, которая побудила меня много внимательнее и бережнее относиться к слову, научила не давать себе поблажек. А одобренные стихотворения стали по настоятельному совету Алексея Петровича моей первой поэтической книгой «Щемящая боль бытия» (1997 год). «Слово напутствия» к ней написал А.П.Галкин.

С тех пор и до последних дней жизни Алексея Петровича, сохранившего ясность ума и работоспособность, для нас обоих стало нормой, когда каждое свое новое стихотворение я привозил на его строгий и справедливый суд, а он знакомил меня со своими новыми стихами. Безусловно, Алексей Петрович был из тех редких поэтов, которые не ищут свое место в поэзии. Он искал поэзию в себе! И в стихах других авторов! Надо было видеть, как же он радовался каждому удачному своему или чужому стихотворению, рассматривая его как вклад в общее поэтическое дело.

**Фото из архива В.Н. Галкиной
2010 г.**

«Собирали мы характер свой»

1924 – 2007

Когда я пришел познакомиться со Львом Евгеньевичем Коростелевым, он пригласил уединиться с ним «на камбузе». Присели в кухне за столиком. Он неторопливо почистил курительную трубку «снастью» и начал рассказ. Этот отнюдь не нарочитый антураж и морская тельняшка на гостеприимном хозяине красноречиво свидетельствовали о том, что мой рассказчик до сих пор живет морем. Слушая собеседника, я невольно воспринимал его тельняшку как символ флота и напоминание о поэтических строчках из трехтомника о его жизни, «собственноручно изготовленного» на компьютере.

Мне говорят: – зачем ты носишь форму?

Ты – ветеран, пора бы на покой.

Но я моряк от клотика до кормы

И офицер до старости такой.

Мне греет душу добрая тельняшка,

Морской тужурки черная броня,

Бессмертный краб над козырьком фуражки,

И море держит на земле меня.

И я иду подтянутый и строгий,
 И мой корабль, как прежде, на плаву.
 А впереди – походы и дороги...
 Иду на службу. Стало быть, живу.

Лева родился в Туле в 1924 году в интеллигентной семье художника и преподавательницы русского языка и литературы. Много позже, изучая свою родословную, Лев Евгеньевич обнаружил, что мать – из дворянского рода, насчитывающего 300 лет существования, о котором в словаре Брокгауза и Ефрона сказано: «Солонина – дворянский род, происходящий от полковника киевского Константина С., пожалованного поместьем в 1676 г.»...

Кроме преподавания, мать играла в тульском театре. Маленький Лева ходил на репетиции, часто сидел в гримерной и поражался, как грим преобразует человека. – Мамочка, – просил он, – не «гримировайся»!

С интересом наблюдал Лева, как работает отец, художник, учивший его своему ремеслу. И то что позднее Лев Евгеньевич состоялся как художник – это, конечно же, благодаря отцовским генам.

Из-за болезни отца семья переехала вскоре в деревню вблизи Тулы. Здесь они жили, работали, Лева учился в сельской школе и бредил морем. «Морские рассказы» К. М. Станюковича были его настольной книгой. В 15 лет с согласия отца Лева поехал в Ростов поступать в морской техникум. Сдал вступительные экзамены, но телеграмма от матери о том, что отцу плохо, вернула его домой. Время для поступления в морской техникум было упущено, и с подачи отца Лева поступил в Московский архитектурно-строительный техникум (ирония судьбы: сейчас в этом здании размещается Главное управление военно-морских сил). Здесь он откровенно заскучал, не мог жить, когда один день похож на другой. А тут еще его друг по Ростову Жорка прислал письмо из Одессы: «Устроился на шхуне, приезжай, и для тебя место найдется».

В Одессе Лева впервые увидел море. – Стою у Дюка Ришелле, – говорит он мне, – и люблюсь!

Увы, Жорку на Морском вокзале Лева не встретил. Что делать? Денег почти нет, ночевать негде. Пошел в комитет комсомола порта. Там устроили его в общежитие. А потом случилось невероятное: идя по Дерибасовской, Лева обратил внимание на парня в черной флотской шинели, хотя и без погон. Ба, да это ж Митька, с которым вместе сидели они за одной партией! Оказалось, что Митька работает матросом на теплоходе «Аджария» и завтра... уходит в море!

Естественно, друзья побежали к старпому, и в тот же день, с грехом пополам, Лева прошел медкомиссию. Правый глаз видел плохо, но Лева пошли навстречу и признали в итоге годным для работы в составе палубной команды, на камбузе и в радиорубке. На «Аджарию» старпом взял его учеником радиста. Когда теплоход отчаливал от берега, Лева был невероятно счастлив и долго смотрел вдаль: он и море!

Ходили рейсами в Поти, Батуми, Сочи, перевозили пассажиров и грузы. До тех пор, пока в Батуми не засиделись они с Митькой в кафе. Да так капитально, что опоздали на «Аджарию». Пошли на теплоход «Ленин», приплыли вслед за «Аджарией» в Одессу и получили «по фитилю»: Митьку и Леву списали на берег.

Здесь Леву ждала телеграмма «до востребования» от матери. Надо было срочно возвращаться, чтобы ухаживать за больным отцом. Мать была страшно занята, ибо кроме работы училась в институте повышения квалификации в Туле, куда добиралась пешком по шпалам 12 километров в один конец. И Лева закупал продукты, готовил обеды, ухаживал за больным отцом. А чтобы было на что жить, устроился еще учетчиком в строительной организации. Все свободное время отдавал рисованию. В одно из посещений Тулы он услышал по репродуктору обращение В. М. Молотова: началась война!

С другом Мишей они побежали в военкомат записаться добровольцами. Не взяли: малы еще! Но на предварительный учет поставили. А вскоре пришла повестка из военкомата явиться с кружкой и ложкой. На медкомиссии Лева, зная, что слаб на правый глаз, смухлевал и смотрел вместо него левым сквозь оставленную между пальцев щелку.

Его направили в Серпуховскую авиационно-техническую школу. Москву уже бомбили. Учащихся погрузили в эшелон вместе с «ишаками» (фанерные самолеты И-16) и повезли, не сказав, куда. Проехали Сызрань, переехали Волгу. Степь. Орлы на столбах сидят. Ветры. Песок. Проехали Акмолинск. Остановились в глухом городке Кзыл-Орда. Кругом пустыня, в саманном доме оборудовали училище. Здесь Лева впервые попробовал верблюжатины и черные, посоленные сухари. Здесь узнал из письма матери о смерти отца.

Несмотря на холод, учились с энтузиазмом! Моторная практика, теория полета, медницкое и слесарное дело, заплатки на фюзеляж самолета – словом, техническое обслуживание.

Казахстан. Глухой аэродром.
Горб ангара, как горбушка хлеба.
Звездами простреленное небо
И Луна – помятое ведро.

Над пустыней дикий ветер дул,
Бил песок в дюралевые крылья.
Мы учились. Мы махру курили.
Жгли в гончарках мерзлый саксаул.

Юнкерсы гудели над Москвой.
Небо жгли светящиеся трассы.
Собирая новенькие ШКАСы,
Собирали мы характер свой...

(ШКАС – авиационный пулемет. – А. Л.).

Так продолжалось до апреля 1942 года. А затем – общее построение, общевойсковое обмундирование и отправка в пехотное училище, размещенное в Алма-Ате.

В начале сентября 1942 года, после окончания пехотного училища, часть направили на фронт. Миновали Москву, Тихвин. Перегрузили на узкоколейку. Привезли в лес. Прошла команда строить шалаши. За этим занятием ребят застала немецкая «рама»: покружила и улетела. На смену ей прилетели «юнкерсы» и забросали курсантов бомбами наугад. Ушли

в глубь леса с деревянными макетами ружей в руках: оружия пока не выдали. Ночью прошли лес. Вышли на опушку. Дальше – немцы. Где наши – непонятно. Немцы почуяли – стали садить из пулеметов и орудий. Все – назад, в лес. А там – наш же загранотряд. Гонит безоружных обратно под немецкие пули. Стали разбираться: «Водили на обстрел». Снизостили – пропустили в тыл. А на следующее утро выдали оружие.

– Мне достался взвод сибиряков, – рассказывает Лев Евгеньевич, – заметно старше меня. Они мне говорили: «Не дрейфь, сынок, с нами не пропадешь!»

Пришел приказ занять высоту. Внизу Синявинские болота (лопату на штык – там вода!), Поутру одежда на тебе парит. Побежали с криками «Ура!» А немцы прямой наводкой – из пушек. Первую линию окопов все же взяли, и с боями пошли дальше. Немцы отступили, закрепились, взяли штурмующих в клещи и стали палить изо всех сил. Бежим вперед, кругом разрывы, стреляем на ходу.

– Чувствую, – продолжает Лев Евгеньевич, – по левой руке как поленом ударили. Что-то внутри намокает. Но не больно. Пока бежал в медсанбат, кровь хлестала. Добежал и завалился. Очнулся в набитой ранеными палатке. Рука болтается, как на ниточке. Дали молока, кусок белого хлеба. Повезли в полевой госпиталь.

А потом были и бомбежка, в которой Лев чудом уцелел, и Кирилло-Белозерский монастырь, где благодаря Вере Васильевне, главному хирургу, 19-летнему Леве спасли руку, хотя полностью подвижность ее не восстановили. Еще год ушел на лечение в череповецком госпитале. Здесь Лева в доверительной беседе с комиссаром госпиталя Клавдией Андреевной рассказал про свою несбыточную мечту о море: теперь, когда два пальца на спасенной руке не работают, все кончено! – Дурак ты, Лева! – услышал он в ответ. – Тебе руку спасли, нервы сшили. У тебя все впереди!

И – как в воду глядела! Однажды Лева показал комиссару «Комсомольскую правду», где сообщалось, что Бакинский морской техникум объявляет набор. Туда и написала письмо чуткая Клавдия Андреевна, ничего не сказав Леве. Какова же была радость, когда из Баку на имя Льва Евгеньевича Коро-

стелева пришла телеграмма: приглашали на учебу на второй курс радиотехнического отделения.

После окончания техникума, получившего статус мореходного училища, Лев Евгеньевич с августа 1945 года работал в порту в Кенигсберге (теперь – Калининград) сначала начальником радицентра, а затем начальником связи дивизиона морских охотников за подводными лодками (сбылась мечта ходить по морю!). Все время с 1946 по 1955 год прошло в учениях, пока все катера дивизиона не обветшали, и их не подарили президенту Египта Насеру. Офицеры остались не у дел.

А потом была работа на передающем радиоцентре МПС в Хотькове, где вместе с женой и маленькой дочкой они ютились в маленькой комнате, а прибывшая новая рижская мебель ждала своего часа в... сарае.

Здесь неугомонный Лев Евгеньевич узнал о полиграфическом институте и поступил на факультет художественного оформления печатной продукции. Творческий импульс художника, полученный им от отца, побудил его в течение шести лет ездить после работы на учебу в Москву. И как результат – диплом художественно-технического редактора печатной продукции, который ознаменовал очередной поворот в жизни Льва Евгеньевича. Он стал работать в отделе информации Министерства оборонной промышленности и получил квартиру в Королёве. В издательствах «Советский художник», «Изобразительное искусство», будучи старшим художественным редактором, он иллюстрирует и оформляет книги. Его работы неоднократно экспонируются на всесоюзных и зональных выставках художников книги и плаката, выставках художников-журналистов, на вернисажах. Вплоть до ухода из жизни Л.Е. Коростелев работал как художник в своей московской мастерской и продолжал писать стихи. Его авторский трехтомник, о котором я упомянул вначале, без-

условно, заслуживает того, чтобы быть изданным, ибо непременно найдет своего читателя.

В его стихах раздумья о жизни, мудрость и простота, лирика и романтика моря, а главное – искренность неравнодушного человека.

Засверкали осколки
Провалившихся лет.
Затупились иголки
Прежних драк и побед.

Только я в круговерти
Мне отпущенных дней
И не думал о смерти,
И не знаю о ней.

Лишь бы сердце не ныло,
Не погасла заря...
Все минувшее было.
Значит, прожил не зря.

Фото из архива Л.Е. Коростелёва
2005 г.

**Этот равнодушный
Алексей Васильевич**

1909 – 2002

Я знал Алексея Васильевича с 1960 года, когда молодым специалистом пришел в руководимый им отдел в ОКБ-2 (ныне – КБ ХИММАШ им. А.М. Исаева), разрабатывавший турбонасосные агрегаты для жидкостных ракетных двигателей космических аппаратов и ракет различного назначения. Изделия, разработанные под его руководством, находятся на Луне, Марсе, Венере

Наша беседа состоялась в 1997 году, когда Алексею Васильевичу было 87 лет. Несмотря на почтенный возраст, он по-прежнему оставался равнодушным Человеком, Гражданином в полном смысле этого слова.

Алексее Васильевичу есть, что вспомнить

Например, как еще до войны с фашистами он, сам тогда молодой специалист, сидел на верхотуре полученного

заводом импортного сверлильного станка. Осваивая новую технику, он отвинтил какой-то болт и ... облил струей машинного масла стоявшего внизу Министра М.М.Кагановича (брата Л.М.Кагановича).

... Например, как сразу после войны был послан в Германию для отбора техники, предназначавшейся к отправке в СССР. Он жил там у фрау Кролль и однажды вечером ... штопал свой дырявый носок. Фрау предложила помощь, но Алексей Васильевич гордо отказался (советский инженер может все!), на что фрау едко ответила: «А немецкий инженер в таких случаях покупал себе новые носки!»

... Например, как последние десятилетия до выхода на пенсию в 1987 году, работал в подмосковном Калининграде на фирме, созданной А.М.Исаевым, и был одним из близких людей этого человека с большой буквы.

Технарь до мозга костей, автор более полусотни только внедренных изобретений, эрудит в самых разнообразных областях знания, Алексей Васильевич обеспокоен ... «всеобщей электрификацией, когда всем все «до лампочки». А причину этой «электрификации» он видит в низком культурном уровне людей. Наш с ним разговор – об этом.

На столе Алексея Васильевича – пухлая папка переписки со средствами массовой информации. Впрочем, перепиской это можно назвать только с большой натяжкой, ибо в ответ на страстные письма человека дела – молчание, либо бездушная, чиновничья по духу (простите за кажущуюся тавтологию) отписка.... Вот некоторые фрагменты этой переписки и нашей с ним беседы, где инициалами помечены: А.В. – Флёрв, А.Л. – Локтев.

Безжалостная статистика

А.В. – Эйнштейн говорил, что «чтение романов Достоевского помогает больше в научной работе, чем ученые труды». Ему вторит Кирилл Лавров («У культуры нет замены», «Известия» от 29.05.89г.) «Я склонен думать, что высокая культура каждого человека, составляющего общество, выгодна экономически».

А.Л. – Недавно в одной из радиопередач рассказали о результатах исследования более чем ста стран с целью выяснить главные факторы, влияющие на уровень их развития. Оказалось, что более чем на 70 % благополучие общества зависит не от ресурсов страны, не от уровня развития техники, а от самих людей!

А.В. – Вот именно! В отличие от Кирилла Лаврова, я, инженер с более чем полувековым стажем, не просто «склонен думать», а могу утверждать с цифрами и фактами в руках, что при всех прочих равных условиях, при тех же затратах средств и энергии и при том же уровне техники, только за счет повышения культуры каждого члена общества, можно повысить производительность этого общества по крайней мере в 10 раз и жить обществу в 10 раз богаче, когда не надо будет задумываться, где взять средства на культуру!

Вот безжалостная статистика: производительность нашего сельскохозяйственного рабочего составляет 9 % от производительности фермера США. Почему? Да вот, например, почему.

Однажды мы приезжали помогать колхозу убрать картошку. Набрали полный самосвал. Поехали ссыпать в овощехранилище, оно в деревне, в подвале под сельсоветом. Нас встречает бригадир и дает ЦУ (ценное указание – А.Л.): – Ссыпайте вот на эту площадку у подвального окна. Вот вам лопаты, забрасывайте в окно подальше, к задней стенке. –

Смотрю, площадка вся в высохших колеях. Как с нее сгребать картошку? И трудно, и попортишь много! И как только у этого бригадира язык повернулся давать такую команду? Мало того. Я говорю шоферу : – Погоди сбрасывать, сначала сориентируемся.

– Вы тут не командуйте! – возмущается бригадир. Но шофер и сам видит, что это не дело. Мои же ребята в это время обследовали подвал и бегут с криком: – В подвале сложены лозунги! Прекрасные лозунги – «Догоним и перегоним!». Но особенно они хороши тем, что на длинных фанерных щитах. –

Высунули пару щитов из окна, подложили бревнышко для наклона: ссыпай! И покатила картошка САМА к задней стенке подвала. И совершенно без порчи. Увидели колхозники: –Эх, как это вы хорошо придумали!

– А вы-то почему не придумали? –

– А мы не образованные!

– Так что? Для этого нужно технический ВУЗ кончать, что ли?

Второй пример. Доход от продажи лицензий на изобретения на одного инженера у нас в 30 раз меньше, чем в США. Почему? Тому несколько причин, но вытекают они из одной – «сплошная электрификация, когда всем все «до лампочки». И ни в одном высоком комитете по науке и технике, по реализации и изобретательству никто не рвет на себе волосы! И таких примеров – куча!

И как бы ни были совершенны разные там реформы или великолепны программы прогрессивных партий, толку от них не будет, пока не будет изжита «сплошная электрификация».

О наплевизме

А.Л. – Иными словами, наплевизм, безынициативность и, я бы еще добавил, невозможность, как говорится, «пробить» даже явно полезное.

Мой хороший знакомый, железнодорожник на станции Лазаревская, думающий, инициативный человек, много лет назад нашел простой способ освобождения рельсов от наледи совсем без применения ручного труда. На железной дороге там – сплошная электрификация (в хорошем смысле!), и он этим воспользовался. Оказалось, чтобы освободить рельс от наледи, достаточно на доли секунды дать на обледенелом участке импульс напряжения. И все! И что же? Никому это оказался ненужным. Лишь ведомственный журнал уступил настойчивости автора и опубликовал его статью об этом изобретении.

Типичный случай! И я бы об этом не вспомнил, если бы публикация не имела неожиданного продолжения. Спустя некоторое время мой знакомый получил бандероль из ... Японии. Японская фирма сообщила автору статьи, что за отсутствием авторского свидетельства фирма запатентовала этот прекрасный метод, который теперь широко применяется в Японии. В бандероль были вложены в качестве подарка японская авторучка с зо-

лотым пером и пожелание адресату использовать ее для написания и публикации других идей автора!

А.В. (покопавшись в папке с вырезками из газет): – А ты в «Правде» от 15.11.1988г. не читал статью «Секрет фирмы»? Вот послушай тогда небольшую выдержку. Автору статьи рассказывает разбогатевший японский бизнесмен:

«Вот уже двадцать лет я «торгую» вашими идеями. И притом вполне легально, без криминала... И могу с полным правом, не в обиду будет сказано вашим деловым людям, заявить, что финансовое благополучие моей фирмы покоится на вашей неразворотливости, нерасторопности, неумении взять то, что лежит буквально под ногами.

Хотите знать, с чего я начал?.. С маленького раздела в вашем журнале «Наука и жизнь» Он назывался тогда, кажется, «Сделай сам»... Там и поныне публикуются «маленькие хитрости», советы, как своими руками сделать несложные в общем—то в обиходе вещи. Ну, скажем, как вбить гвоздь в железобетонную стену. Или что—то подобное.

Честно сказать, поначалу я сам сомневался в успехе предприятия. Но он превзошел все мои ожидания. Это было фантастически выгодное дело. Промышленные фирмы, которым я предлагал ваши идеи, соответственным образом подработанные, конечно, ухватывались за них обеими руками, патентовали, внедряли, ну и, естественно, меня при этом не обижали. Через некоторое время я смог расширить дело. Теперь мы выписываем почти все ваши специализированные издания. И мои эксперты скрупулезно прочесывают их, вылавливая огромное множество свежих, невиданных по смелости и новизне оригинальнейших идей, которые вы, русские, увы, не используете. Теперь на моем счету тридцать пять миллионов долларов...»

Вот поэтому-то «треть россиян имеет доходы ниже прожиточного минимума»!

Зоркое сердце

А.Л. – С наплевиизмом разобрались. Но как же перекинуть мостик к культуре?

А.В. – Искусствовед Л.Сулержицкий в начале века задавался таким вопросом: «Где найти средства, чтобы люди стали людьми?» А средство это найдено более 2000 лет назад Аристотелем. Только его никто не видит потому, что (как ответил Гете на вопрос – что самое трудное?) самое трудное – «увидеть то, что лежит перед глазами!». Аристотель определил это как «катарсис», т.е. нравственное совершенствование через развитие способности к сопереживанию.

Способность сопереживать с другими людьми повышает уровень нравственности. Способность сопереживать с природой благоприятна для экологии. Способность сопереживать с делом («болеть за дело») развивает экономику.

Культура – это в первую очередь широкий нравственный эмоциональный диапазон, когда каждое явление, с которым человек повседневно сталкивается, находит свою душевную струну, звучание которой вызывает либо чувство удовлетворения и стремление его поддержать, либо чувство досады и стремление его подавить, если оно негативно. И такие выражения, как «Ну и что?» или «Подумаешь?», порождающие бесхозяйственность, безответственность, «коекакство» и разгильдяйство, изгоняются из лексики напрочь.

Как говорится в «Маленьком принце» Антуана Экзюпери : «Я открою тебе один секрет, он очень прост: зорко одно лишь сердце. Глаза главного не видят!»

ЗОРКОЕ СЕРДЦЕ – вот главный компонент культуры!

О воспитании и о рынке

А.Л. – С Экзюпери не поспоришь, но от того, что мы с Вами сотрясаем воздух сейчас, или от того, что нашу беседу вдруг опубликуют в прессе, мало что изменится: тем, у кого зоркое сердце, все ясно и без нашей беседы, а те, у кого такого сердца нет, даже и читать не станут...

А.В. – Да, конечно, высокая культура должна иметь основательный фундамент. Этим фундаментом является воспитание. Член–корреспондент Академии педагогических наук профессор Кольцова утверждает, что в первые три года жизни наиболее возбуждима эмоциональная сфера... Это значит, что, если мы не во-

оружили малыша добрыми чувствами, у него сложатся недобрые. В лучшем случае разовьется равнодушие, почти всегда непоправимое.

На моих глазах девочка лет четырех поймала бабочку и стала ... отрывать ей крылья. Я говорю: – Девочка, что же ты делаешь, ведь бабочке больно! А если бы великан стал отрывать тебе руки? – Девочка заплакала. – Ты чего плачешь? – спрашиваю. А она сквозь слезы: – Бабочку жалко!

Впервые, только благодаря чужому дяде, девочка подумала о том, что другим может быть больно! Впервые пришло к ней сопереживание.

Эмоциональный вакуум всасывает в себя в первую очередь мусор массовой культуры. И никакой Чайковский, Левитан или Пушкин его оттуда вымести не смогут. Поэтому нужно упредить это всасывание. Упредить с пеленок, а может быть даже раньше. И нужно, чтобы все это знали и способствовали этому упреждению. Все, начиная с родителей. Чтобы они не встречали учителя словами: «Вам *плотью*, вот вы и воспитывайте. А нам некогда, мы работаем!». Чтобы никому не приходило в голову писать в газету: «Кто же будет работать, если женщина станет ничего не делать, сидеть дома и только заниматься детьми?» (И под этим – подписи группы ... женщин!).

Д. Кабалевский в книге «Воспитание ума и сердца» утверждает, что фундаментальная задача всей педагогики – вызвать увлечение и интерес. Поэтому самым важным предметом в школе должна быть не какая-то там «компьютеризация», а Условия, формирующие личность вообще и Личность – в частности.

Никто, к примеру, не занимается проблемой школьного двора или двора детсада. А ведь все вытоптано, кусты выломаны. И если остался зеленый клочок, так только из-за того, что на нем выросла крапива. Выросла потому, что его как-то огородили. Что, «резных оград узор чугунный»? Нет. Узор, да только из старых пружинных матрасов, прикрученных ржавой проволокой прямо к деревьям. Прекрасное наглядное пособие «коекачества» и разгильдяйства. Боже! Сколько таких «наглядных пособий» кругом!

А замусоренность улиц? Что, дворников не хватает? А если не сорить? Каждый школьник прекрасно знает, сколько в своем

весе теряет тело, погруженное в жидкость. Но никто не знает (потому, что не видит), сколько теряет экономика, да и нравственность, от манеры выкидывать в форточки папиросные коробки, молочные пакеты, от манеры бросать окурки где попало, даже в детские песочницы.

А падение нравственности и рост преступности, особенно среди молодежи! Разве это не от бескультурия?! И бороться с этим путем усиления правоохранительных мер – это все равно, что бороться с сорняками, обрывая у них листья. А нужно даже не вырывать с корнем, а сделать почву непригодной для прорастания семян преступности. И значит – только повышением культуры!

Нельзя уповать на то, что рыночная экономика разрушит броню равнодушия и породит заинтересованность, хотя бы только материальную. До этого еще тоже дорости надо. Сколько выкидывается (собственного) хлеба на помойку. Даже сейчас, когда он стал в сотни раз дороже! И все потому, что «всем все до лампочки».

Материальная заинтересованность! Тут свои подводные камни: она и жадность – родные сестры. А жадность и эгоистична, и, главное, близорука, и часто не видит, что за ближайшей маленькой выгодой – значительно большая, а, может быть, скрывается даже и крах. На заре купечества многие действовали по формуле: не обманешь – не продашь.

А потом они вымерли, не выдержав конкуренции с теми, кто уже понял, что престижность «честного купецкого» гораздо рентабельнее. Но, чтобы понять истину, что культура – то рентабельна, нужно много времени. А сейчас все бросились в торговлю, в финансовые махинации. Сколько развелось торговых палаток! И все больше – с импортными товарами. Сколько разных банков, еще недавно суливших невиданные проценты. А откуда товары, откуда проценты, если производство сокращается? Из-за границы. За нефть, за газ и другое сырье. А то, что страна от этого беднеет? Это никого не волнует. Всем наплевать: это – завтра!

Кадры решают все!

А.Л. – Итак, мы снова вернулись к «человеческому фактору», к тому, что «кадры решают все!»

А.В. – Японцы на практике доходят до положительного влияния культуры на экономику. Как пишет В.Цветов («Новый мир», №10, 1985г.), «У Форда на одного рабочего в год производится 13 автомашин. В фирме «Ниссан» – 46 и большей надежности». Автор приводит разговор с рабочим этой фирмы Сасаки: – Я чувствую ответственность за каждый автомобиль, создаваемый фирмой. Если слышу, что автомобиль фирмы «Ниссан» имеет какой-либо недостаток, я испытываю ощущение личной вины».

И далее В.Цветов пишет: «Работники должны по субботам с семьями заниматься в каких-нибудь кружках» и пр. И Кирилл Лавров в одной из статей восхищается тем, что в Японии нет ОТК – настолько велика добросовестность!..

Наша беседа подошла к концу. Алексей Васильевич закончил ее эффектно. Он прикатил в комнату свое последнее изобретение – обыкновенную продуктовую коляску на двух колесах и с «П»-образной ручкой. Но к этой ручке он прикрепил на двух осях еще одну «П»-образную, горизонтальный участок которой связал с основной ручкой полоской брезента. И когда Алексею Васильевичу приходится на остановке долго ждать транспорт, а ноги просят отдыха, продуктовая коляска легко превращается в ... раскладной стульчик!

Свидетельство на это изобретение Алексею Васильевичу не выдали. Слышите, японские бизнесмены? А может, свои найдутся? А?

Фото из архива музея КБ ХИММАШ им. А.М. Исаева

1997г.

Он стоял у истоков Центра управления полетами

1937-2003

Эта беседа состоялась накануне 60-летия одного из создателей Центра управления полетами (ЦУПа) Валерия Дмитриевича Сороколетова.

– Неумолимо бежит время, и вот уже и наше поколение вырастает в полосу юбилеев. Расскажи о себе, Валерий. Как и когда ты очутился в нашем городе?

– Родился я в Брянске. Помню себя, начал себя ощущать с началом войны.

Помню бомбежку Брянска (город бомбили уже в июле 1941 года). Все спрятались в щель на огороде, а мать бегаёт по огороду, меня ищет. Я же бросился спасать мое достояние – велосипед.

Потом – эвакуация. Эшелоны, платформы с зенитками, отец в ватнике, с винтовкой с трехгранным штыком, сажает нас в вагон-телятник. Сам он с нами не ехал, уходил в ополчение. Эвакуировали нас на Урал, в Усть-Катав, где семья пробыла до 1949 года. Еще до окончания войны директор завода в Усть-Катаве Алексей Сергеевич Спиридонов отозвал моего отца с фронта: нужен был честный человек на хозяйственную работу. Жить стало полегче.

А в 1949 году большая часть Брянского завода, изготавливавшего в Усть-Катаве противотанковые пушки, перебазировалась в Подлипки на завод №88. С тех пор я здесь.

– **Хотя и достаточно смутно, но я помню тебя в школе №1.**

– В первой школе я проучился до 7 класса. А потом раздельное обучение кончилось, и я оказался в бывшей женской школе №4. Там до окончания школы просидел на одной парте со своей будущей женой: я – в качестве хулигана, она – в качестве отличницы и примерной девочки. Потом наши пути разошлись. В 1955 году я поступил в МВТУ, а она – на факультет журналистики МГУ. Два года не виделись, пока случайно не встретились на платформе «Подлипки». Обрадовались. Стали на электричке ездить вместе. И доездили: в том же году поженились.

В 1961 году окончил факультет РТ (ракетная техника) и распределился в ОКБ-1 телеметристом. Дело у С.П.Королева было поставлено так, что нас называли телеметристами-испытателями.

В МВТУ мы создали СКБ (студенческое конструкторское бюро), небольшое, человек на 25. Здесь я впервые хлебнул организационной работы, стал заместителем председателя Совета СКБ. Вот, посмотри, этот краткий политехнический словарь с дарственной подписью ректора, профессора Г.А.Николаева я получил в награду за работу в СКБ.

Здесь же, в СКБ состоялась моя первая встреча с С.П. Королевым. Он приехал к нам по просьбе заведующего кафедрой В.И. Феодосьева через несколько месяцев после запуска первого искусственного спутника Земли.

– **Ну, и какое первое впечатление от Королева?**

– Все мы страшно оробели и первое время просто молчали. А он нам и говорит: «Чего молчите, как немые? Где же ваши вопросы?»

Ну, я смелости набрался и спрашиваю, почему в качестве компонентов топлива применяется кислород, а не фтор, как более сильный окислитель? Получил от Сергея Павловича ответ: фтор очень ядовит и работать с ним много сложнее и опаснее.

Кто-то спросил Королева, на каких компонентах работает ракета, выведшая спутник на орбиту. Но Сергей Павлович не «раскололся»: в то время это был у-ж-ж-асный секрет.

– Валерий, итак, ты поступил в ОКБ-1 телеметристом. Куда именно ты попал?

– В испытательный отдел, где начальником был Эмиль Борисович Бродский – прекрасный человек. В отделе Бродского я проработал до ноября 1965 года.

*Центр дальней космической связи.
Главный телеметрист даёт интервью.
1970 г. АПН. Фото Д. Чернова.*

– С чем конкретно ты имел дело в эти годы?

– Занимался одной из первых ракет Королева – Р-11А. С ней пережил свою первую ракетную аварию в Капустином Яре. Я был на телеметрической станции, когда ракета взорвалась на старте. Пришлось срочно бежать в укрытие, спасаясь от ядовитого бурого облака. Добежать успел, но было страшно.

Запомнилась еще одна авария. Это было в Тюратаме при старте ракеты Р-7. Одна из боковушек у ракеты не запустилась, и ракета пошла на ... станцию.

Много пришлось повозиться с унифицированным аппаратом «Марс-Венера». Между прочим, тогда этот аппарат сел на поверхность Венеры, и я был первым на Земном шаре, узнавшим

характеристики атмосферного давления и температуры на поверхности планеты. В то время я работал уже в ЦУПе, куда передавалась зашифрованная информация из Евпатории.

Помню, как в гонке с американцами за первенство в высадке человека на Луну Королев буквально выкраивал средства из других тем, чтобы практически нелегально продолжать отработку Н-1. Вместо мощных финансовых вливаний этот проект был посажен Н.С.Хрущевым на голодный паек, а финансовые вливания получила тогда фирма, возглавляемая Челомеем.

И тогда Сергей Павлович сделал крен в сторону создания автоматической лунной станции. Здесь он американцев действительно обогнал. У меня была одна из первых фотографий лунной панорамы. Мы все присутствовали при ее «рождении», расписались на ней во главе с Борисом Евсеевичем Чертоком. Очень жаль, но эту уникальную фотографию кто-то у меня ... «прихватизировал»!..

– Как известно, мягкую посадку впервые удалось сделать лишь «Луне-9»?

– Да, потрудиться пришлось изрядно. Прежде, чем состоялась мягкая посадка на Луну, загробили не восемь, как объявили через прессу, а 12 аппаратов. Сработал, вопреки приметам, тринадцатый! А неудачи «оформлялись» просто: промахнулись – запускали зонд, врезались в Луну – так и хотели!

– А как ты оказался в ЦУПе?

– До создания ЦУПа был в составе ЦНИИМАШа координационно-вычислительный центр (КВЦ). Туда я и был переведен для создания на базе КВЦ Центра управления полетами. Тогда в КВЦ кроме баллистики ничего не было, обработкой те-

В.Д.Сороколетов знакомит с устройством скафандра гостей ЦУПа

леметрии и не пахло. Ею-то я и должен был заниматься, создав отдел из 50 человек. Работая в КВЦ, я продолжал выполнять свои функции в ОКБ-1 по лунному аппарату. И только когда «Луна-9» совершила мягкую посадку, я окончательно занялся ЦУПом: такая была договоренность между руководителями ОКБ-1 и ЦНИИМАШ.

Трудностей было предостаточно. Вычислительная техника – в зачаточном состоянии, как и в целом по стране, пришлось вводить практически ручную обработку. Телеметрическое направление стало развиваться с космического аппарата, предназначенного для облета Луны (Л-1). Это была тренировка. Стажироваться в Евпаторию выехали на два месяца все 50 человек отдела.

Потом в отделе была создана лаборатория автоматизированной обработки. Появились программисты-математики. Однако в то время набрать 20 «яйцеголовых» программистов было проблемой. Но со временем задачи решались.

Так, за трудами незаметно пробежали пять лет. В 1970 году меня назначили заместителем руководителя ЦУПа. На этой должности я проработал до 1985 года.

– Валерий, наша беседа приближается к завершению. Расскажи об одном из самых ярких впечатлений.

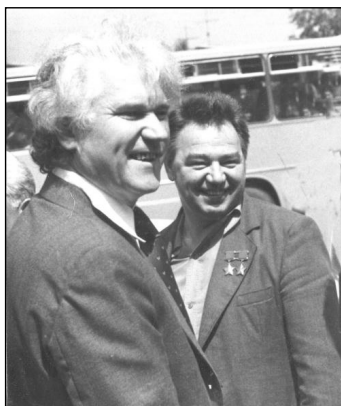
– Запомнилась ночь в 1967 году, когда стало известно, что космонавт Владимир Комаров погиб, прошла шифровка: «Космонавт просит помощи в поле». В ожидании дополнительной информации я остался дежурить ночью вместе с Юрием Гагариным в зале отображения КВЦ. Чтобы не заснуть, мы с ним ходили вокруг громадного стола и говорили на самые различные темы: от лодочных моторов до философии и космогонии.

Пол, между прочим, был устлан синтетическим ковром. А подошвы тогдашней обуви хорошо накапливали статическое электричество. И вот, в один из моментов я подошел к глобусу, на котором специальная дуга вычерчивала орбиту космического корабля. Глобус же стоял на массивном основании, которое было заземлено. То ли покачнулся глобус, то ли я, но только я схватился рукой за дугу глобуса. Не знаю, какие заряды накопили наши подошвы, но шибануло меня очень прилично.

– Что с тобой? – закричал Гагарин и стал оттащить меня от глобуса. – У тебя лицо белое, а губы черные!

Через меня тряхнуло и Гагарина, но у него, как у человека тренированного, губы лишь посинели. Потом мы с ним минут 10–15 приходили в себя. Спать не хотелось.

В заключение беседы мы с Валерием Дмитриевичем попытались совместно сформулировать роль космонавтики сегодня. Вот, что у нас получилось: космонавтика сегодня – вид деятельности человека. И если раньше наукоемкие технологии развивались благодаря войнам, то теперь такую роль локомотива берет на себя космонавтика. Это тем более актуально для России, которая на Земле первой начала эру освоения космоса, имеет мощный научно-технический потенциал, талантливейших ученых, инженеров, рабочих, уникальные наработки и выдающиеся достижения в области космической техники. И жалеть средства на ее развитие просто недальновидно, ибо выгода от такой «экономии» сегодня обернется крупным отставанием завтра.

*С космонавтом
Георгием Гречко*

Фото из архива Н.А. Сороколетовой

1997г.

Кавалер ордена Мужества

1935 – 2004

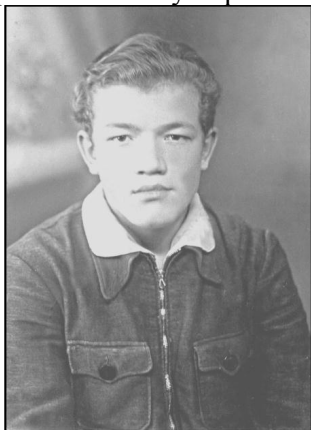
— **В**ы обязательно должны познакомиться с этим интересным, разносторонним человеком, – сказала мне директор музея Марины Цветаевой в Болшеве Зоя Николаевна Атрохина, которая никогда не ошибается в своих рекомендациях.

И вот я в гостях у Евгения Викторовича Кострова, заслуженного испытателя космической техники, члена Федерации космонавтики России, ветерана подразделений особого риска, кавалера ордена Мужества. К слову сказать, одного из трех жителей г. Королёва, удостоенных этой высокой награды.

Мой собеседник, скромный до застенчивости, рассказывает о себе весьма скупно, но порой за вскользь брошенной репликой угадывается целый пласт событий, сыгравших важную роль в жизни страны и, конечно же, в жизни самого Евгения Викторовича.

Он родился 1 апреля 1935 года в Чебоксарах в семье известного агронома и преподавательницы немецкого языка.

Когда грянула война с фашистами, его отец работал заместителем директора научного института под Харьковом и был назначен ответственным за эвакуацию НИИ. Вместе с семьей он отбыл последним эшелоном. Эшелон попал под бомбежку, и так случилось, что часть эшелона с отцом ушла в тыл, а мать Жени с четырьмя детьми оказалась на оккупированной территории.

Жене 16 лет

На всю жизнь врезался в память шестилетнего Жени драматичный эпизод: после очередного доноса фашист вывел мать на расстрел на виду у всех ее детей. В момент, когда палец гитлеровца ложился на курок, мать неожиданно стала декламировать... стихи Гете на чистейшем немецком языке. Фашист опустил руку с пистолетом.

Рядом с домом находился лагерь военнопленных, и Женя помнит, как практически ежедневно телега увозила трупы солдат.

В 1942 году пришло освобождение. Но ненадолго. Немецкие армии покатались к Сталинграду, оккупация повторилась. Освобождение пришло после Сталинградской битвы.

А вскоре многострадальная семья воссоединилась в г. Плесе на Волге, месте творчества выдающегося живописца-передвижника Исаака Левитана. Здесь Женя познакомился со знаменитым в будущем художником Ильей Глазуновым, с которым потом многие годы поддерживал отношения.

После окончания индустриального техникума в Костроме Евгения Кострова направляют в сверхсекретный НИИ под Загорском (Птицеград). Это был радиохимический институт, занимавшийся утилизацией радиоактивных отходов и разработкой боевых радиоактивных веществ (БРВ). Вместе со многими офицерами и солдатами Евгений Костров участвовал в испытаниях боевых радиоактивных веществ, настолько опасных, что в конце концов от этого варианта ядерного оружия решено было отказаться. Это было в 1954–1958 годах, когда дозиметрии не было как таковой и люди не догадывались, что зачастую получают огромные дозы облучения.

В 1996 году был учрежден орден Мужества. Спустя три года эта высокая награда была присвоена моему собеседнику именно за испытания БРВ, проводившиеся на опытном полигоне в 1958 году.

Теперь эту работу признали по-

двигом, а тогда это была каждодневная, многолетняя работа во имя обороноспособности страны.

В том же 1958 году Евгений Викторович переходит на работу в системе Минмонтажспецстроя СССР. Эта мощная организация участвовала в создании всех ракетных площадок страны, начиная от монтажа и наладки и кончая сдачей в эксплуатацию стартовых комплексов.

Май 1958 года Евгений Костров встретил на стартовых площадках, позднее получивших название космодром Байконур. Ему было поручено заниматься системами заправки ракет. Специализированного подразделения для такого вида работ тогда не было, и для Кострова это была в полном смысле слова разведка боем.

– Только сейчас, – вспоминает Евгений Викторович, – я осознал всю ответственность этих работ. А тогда это были яростный настрой на успех и уверенность, что он обязательно придет. Собственно, Байконуром работа Кострова не ограничилась. Пришлось потрудиться и в Плесецке, и в Капустинном Яре, почти на всех ракетных комплексах.

– В 1956 году в тресте «Спецмашмонтаж» организовали лабораторию контроля качества сварки радиографическим и другими методами.

Естественно, после работы в Птицеграде Костров принял непосредственно участие в создании и работе лаборатории. Со временем подразделение превратилось в крупную лабораторию, обслуживающую все стартовые комплексы страны. Евгений Викторович побывал везде: от Кушки на юге до Новой Земли на севере.

Вообще, судьба Кострова складывалась так, что ему везло на знаменитостей, причем из самых разных областей человеческой деятельности. Илья Глазунов уже

Евгений Костров с внучкой Полиной

упоминался. А кроме него были М. В. Келдыш и крупный физико-химик, член-корреспондент АН СССР К. В. Чмутов, композитор Евгений Дога, солист балета Марис Лиена, певица Елена Образцова, художник Борис Жутовский и другие.

Евгений Викторович всегда с гордостью показывает свою библиотеку, составленную из многочисленных книг о художниках, певцах, театральных актерах. Сейчас внимание Евгения Викторовича больше всего занимает искусство – графика и другие работы его внучки Полины Костровой, художницы от Бога, чьи выставки знакомы жителям Реутова, Королёва и Юбилейного.

– Иногда, видя, что творится в стране, – сказал на прощание Евгений Викторович, – становится обидно за целое поколение людей, отстоявших страну, поднявших ее из руин и создавших ракетно-космический комплекс. Хочется надеяться, что с приходом нового президента ситуация изменится в нужном направлении.

***Фото из архива А.А. Костровой
2004 г.***

Вместо эпилога

Гимн добру

(Венок сонетов)

1.

Итак, друзья, – венок сонетов.
О чем? Конечно, о добре!
Его сжигали на костре...
Любителей проделать это –

Хоть пруд пруди во все века.
Но, удивительное дело,
В людской душе добро сидело
И будет там наверняка.

Мой разговор – кому-то мил,
Другой, возможно, засмеется:
Поэт, мол, лихо закрутил,
Лишь в сказках о добре поется.
Мне ж о добре пропеть нейдет:
К нему я долго приходил.

2.

К нему я долго приходил,
Пока не понял головою,
Пока не осознал душою,
Пока Господь не вразумил.

Добро должно быть с кулаками?
Я не согласен, ведь кулак –
Любого аргумента враг...
К добру приходят люди сами.

В себе я зло всегда гасил.
Признаюсь: часто – беленя.
Себе без усталости твердил:
Перетерпи, добро – сильнее,
Рациональнее, мудрее.
Изведал зло, достало сил.

3.

Изведал зло, достало сил.
 И мудрость древних мне твердила:
 Добро – врачующая сила.
 И опыт мой так говорил.

Добро для злого – не палач,
 Не только с укоризной слово.
 Быть может, это и не ново:
 Оно – и антипод, и – врач.

Оно – при нас, внутри, не где-то.
 На все имеет зоркий глаз.
 И понуждает нас к ответу,
 Экзаменуя каждый час
 На человеческое в нас,
 На этот оселок поэтов.

4.

На этот оселок поэтов...
 Их – два, мне говорит нутро:
 Венок сонетов и добро.
 Я искренне поверил в это.

Добро – свет сердца. Не имея
 Источника добра внутри,
 Поэт добром не одарит,
 Дойти до сердца не сумеет.

Добро – как искорки в глазу,
 Язык, понятный для любого:
 Слепцу – дарующий красу,
 Общенья способ – для немого,
 Звук, ухом слышимый глухого,
 Он – словно молния в грозу!

5.

Он – словно молния в грозу!
Всегда он был (и есть поныне!)
Источником воды в пустыне,
В зле вышибающим слезу.

Добро – как компас; чтобы плыть
По жизни нам без встречи с мелью,
Существованья самоцелью
Одно имеющее быть!

Жизнь невозможна без движенья.
Не понимаючи подчас,
Даем нас унести теченью,
Не слыша Провиденья глас,
А он – добра источник в нас,
Он – плод труда и озаренья.

6.

Он – плод труда и озаренья.
Труда над собственной душой.
Коль каждодневный труд, большой,
Добро придет без промедленья.

А не принявшие его
Все сделают, в итоге, чтобы
Остаться в диком мире злобы,
Так не понявши ничего,

Остаться в мире ослепленья
Духовных вырождков-калек.
Я ж обращаюсь без сомненья,
Хотя и в страшный, злобный век,
К тебе, мой добрый человек,
Читающий мое творенье.

7.

Читающий мое творенье,
 Надеюсь, ты душой созрел:
 Скучаешь уж без добрых дел?
 Так приступай без промедленья!

Ты – добр в душе, так окажись
 Способным облегчать, где можно,
 Настойчиво, но осторожно
 Вокруг себя людскую жизнь.

Добро – бревно у зла в глазу!
 Лелей его (ведь мир так ломок),
 Как виноградную лозу.
 И в мире злобы, средь потемок
 Твой труд оценит твой потомок.
 Быть может, обронит слезу.

8.

Быть может, обронит слезу
 Он на добра печальной тризне?
 Или предаст добро при жизни
 В угоду злобному тузу?

Мол, нам не развязать узла.
 Бессильны будут наши дети,
 Добру конец пришел на свете...
 Победоносной жертве зла?!

Уверен, что не так все будет.
 Поднимет злоба дикий вой.
 Потомок наш ее осудит:
 Добро он примет всей душой,
 Венок сонетов вспомнит мой,
 Венок добро в душе пробудит!

9.

Венок добро в душе пробудит.
Как семя, спрятавшись в гряде
И, помышляя о воде,
Добро взойдет. И – будет, будет!

И будет жить, хоть льется кровь!
Казалось бы, непостижимо?
Добро ведь неуничтожимо,
Коль возникает вновь и вновь!

Добро – гармонии наказ,
Как все природные законы.
И сотни миллионов раз
Пройдет оно сквозь все препоны,
И все поймут его каноны,
И ты, читающий сейчас!

10.

И ты, читающий сейчас, –
Частица деятельной силы,
Которая тебя взрастила,
Помянешь добрым словом нас,

Мечтавших страстно о поре,
Питавших трепетно надежду:
Как обветшавшую одежду,
Ты скинешь зло, чтоб жить в добре!

Добро в вас Бытие пробудит.
Хотя и бес (не ерунда!)
Своим искусом многих сгубит,
Трубя победу навсегда...
Жаль, проиграет он тогда,
Когда меня уже не будет.

11.

Когда меня уже не будет,
 Устроят люди лучший мир –
 Добра и уваженья пир.
 И пусть меня всяк позабудет,

Но сладко думать мне о том,
 Когда, согласно предсказаниям,
 Не будет жизнь существованьем,
 Она предстанет – Бытием!

И будет в людях добрый глас,
 Его никто уж не забудет,
 Он станет нормой жизни в вас:
 Ведь время зло с добром рассудит.
 И удивятся даже люди,
 Услышав тех, далеких нас.

12.

Услышав тех, далеких нас,
 Себе отчет вы отдадите
 В том, что в историю глядите:
 Зло направляло жизнь подчас.

Но в каждом веке песню пел
 Певец, созвучный жизни сути,
 Нас очищающий от мути –
 Таков уж был его удел.

Удел трагичный: ведь не раз
 Певцы платили головою
 За песнь про то, что видел глаз
 Жестокосердною порою!
 Потомок мой, душой незлою
 Поймешь: добро – не напоказ!

13.

Поймешь: добро – не напоказ,
А проявление нашей сути
И отрицанье злобной мути –
Таков Вселенной нам наказ!

И нет прекрасней перспективы:
Преданья только и зола –
Все, что останется от зла.
Добру ведь нет альтернативы!

Пусть путь к добру предельно труден,
Деяньям злобным несть числа,
Давайте, люди, не забудем:
Нам жизнь другое припасла,
Добро – рентабельнее зла,
Оно – фундамент наших буден.

14.

Оно – фундамент наших буден!
Хотел бы я, чтоб мой венок
Добру в борьбе со злом помог:
Венок мой – не шамана бубен.

В наш век я песнь добру пропел.
Да, как бы дьявол ни бесился,
И как бы бес ни дьяволился,
Оставить мир – его удел!

В делах мирских он – не профан.
И сам, конечно, это знает –
Ему для зла период дан:
Одежда зла в миру ветшает,
И дьявол бешено латает
Зла платье – тришкин свой кафтан!

15.

Итак, друзья, – венок сонетов.
К нему я долго приходил.
Изведал зло, достало сил
На этот оселок поэтов.

Он – словно молния в грозу!
Он – плод труда и озаренья.
Читающий мое творенье,
Быть может, обронит слезу:

Венок добро в душе пробудит.
И ты, читающий сейчас,
Когда меня уже не будет,
Услышав тех, далеких нас,
Поймешь: добро – не напоказ,
Оно – фундамент наших буден.

Книги Александра ЛОКТЕВА

Щемящая боль бытия (1997, стихи)

Щемящая боль бытия (1998, стихи)

Конструктор зенитных автоматов (1998, очерк об отце)

Пространство мысли (1998, афоризмы)

Конденсат смысла (1999, афоризмы)

Недавно это было секретом

(2001, очерки об артиллеристах и ракетчиках)

Прикосновение к чуду (2002, стихи)

Солнечный зайчик (2003, стихи для детей)

Наша служба и опасна, и трудна

(2004, история Королёвского УВД)

Весёлая книга (2005, ироническая поэзия и проза)

Древо жизни (2006, стихи).

Маразмышлизмы (2008, афоризмы, фразы)

Каждый вышивает полотно своей жизни

(2009, очерки о людях и судьбах)

Из дальних странствий возвратясь (2010, путевые заметки)

Для заметок